

Уильям Шекспир Укрощение строптивой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд, Кристофер Слай, медник, *Трактирщица, Паж, актеры, егеря и слуги* – лица из интродукции.

Баптиста, богатый дворянин из Падуи.

Винченцио, старый дворянин из Пизы.

Люченцио, сын Винченцио, влюбленный в Бьянку.

Петруччо, дворянин из Вероны, жених Катарины.

Гремио, Гортензио – женихи Бьянки.

Транио, Бьонделло – слуги Люченцио.

Грумио, Кертис – слуги Петруччо.

Учитель.

Катарина, Бьянка – дочери Баптисты.

Вдова.

Портной, галантерейщик, слуги Баптисты и Петруччо.

Место действия – Падуя и загородный дом Петруччо.

ИНТРОДУКЦИЯ

СЦЕНА 1

Перед трактиром в пустынной местности.

Входят трактирщица и Слай.

Слай

Вот ей-богу, я тебя отколочу.

Трактирщица

Пару бы колодок тебе, мазурику!

Слай

Ты нахалка! Слаи не мазурики. Загляни-ка в хроники. Мы пришли вместе с Ричардом Завоевателем. А посему, *raucas palabris* пусть все идет своим чередом. *Sessa!*

Трактирщица

Так ты не заплатишь мне за разбитые стаканы?

Слай

Ни гроша. Проходи, Иеронимо, ложись в свою холодную постель, погрейся.

Трактирщица

Я знаю, что мне делать; пойду приведу стражу из третьего округа. *(Уходит.)*

Слай

Хоть из третьего, хоть из пятого – я им всем отвечу по закону. Я, голубушка, с места не двинусь. Пускай себе приходят на здоровье. *(Ложится на землю и засыпает.)*

Рога. Возвращается с охоты лорд с егерями и слугами.

Лорд

(егерю)

О гончих позаботься хорошенько,
Спусти Весельчака, – он еле дышит;
А Резвого сосвори вон с тем басистым.
Видал, как стойку сделал Серебро
В углу загона, хоть уж след простыл?
За двадцать фунтов я бы пса не продал!

Первый егерь

А ведь Звонарь не хуже, ваша светлость;
Чуть след утерян, он уж лает сразу,
И дважды след сегодня находил.
Из ваших псов он лучший – верьте мне,

Лорд

Дурак! Да если б Эхо был резвее,
Я за него б дал дюжину таких.
Ну, накорми собак, следи за ними –
Охоту будем завтра продолжать.

Первый егерь

Все сделаю, милорд.

Лорд

(заметив Слая)

А это кто?
Мертвец? Иль пьяный? Дышит ли, взгляните.

Второй егерь

Он дышит. Если б не согрелся элем,
На холоде не спал бы мертвым сном.

Лорд

О подлый скот! Разлегся, как свинья!
Смерть злая, как твое подобье гнусно!

Что, если шутку с пьяницей сыграть?
Снести его в роскошную постель,
Надеть белье тончайшее и перстни,
Поставить рядом стол с едою вкусной
И слуг кругом, чтоб ждали пробужденья.
Узнает этот нищий сам себя?

Первый егерь

Сейчас он ничего не понимает.

Второй егерь

Вот будет удивлен, когда проснется!

Лорд

Сочтет все волшебством иль сном чудесным.
Берите же его. Сыграем шутку!
Несите в лучшую из комнат в доме,
Развесьте сладострастные картины,
Башку ему вонючую промойте
Надушенной теплою водою,
Зажгите ароматные куренья;
Пусть музыка, едва лишь он проснется,
Мелодией небесной зазвучит.
Заговорит он – будьте наготове:
Почтительный поклон ему отвесьте;
Скажите: «Что прикажет ваша светлость?»
Подайте таз серебряный ему
С душистою водою и спросите,
Кувшин и полотенце поднося:
«Милорд, вам не угодно ль вымыть руки?»
Один пусть держит дорогие платья,
Осведомляясь, что милорд наденет;
Другой о гончих и коне расскажет
И о жене, которая вконец
Удручена его болезнью странной.
Уверьте, что безумье им владело;
А назовет себя, скажите – бредит,
Что он на самом деле – знатный лорд.
Как следует сыграйте, молодцы,
И славная получится потеха,
Лишь удалось бы меру соблюсти.

Первый егерь

Милорд, поверьте, мы сыграем ловко,
И по усердию нашему сочтет
Себя он тем, кем мы его представим.

Лорд

В постель егонесите осторожно,
А лишь проснется – сразу все за дело!

Слая уносят. Звучит труба.

Эй ты, поди узнай, кто там трубит.

Слуга уходит.

Быть может, дворянин какой-нибудь,
В пути устав, нуждается в ночлеге.

Возвращается слуга.

Ну что? Кто там?

Слуга

Актеры, ваша светлость.
Хотят вам предложить свои услуги.

Лорд

Пускай войдут.

Входят актеры.

Друзья, я рад вас видеть.

Актеры

Мы, ваша милость, вас благодарим.

Лорд

Хотите у меня остановиться?

Актер

И услужить вам, если разрешите.

Лорд

От всей души. А этого актера
Я в роли сына фермера запомнил:
Так мило он за леди увивался!
Как вас там звали – я забыл, но роль
Вам подошла, и вы сыграли славно.

Актер

Играл я, верно, Сото, ваша милость.2

Лорд

Да, да; и ты сыграл великолепно.
Ну что ж, вы вовремя ко мне явились:
Задумал шутку я одну, и может
Искусство ваше пригодится мне.
Посмотрит вашу пьесу некий лорд.
Но выдержкой вам надо запастись;
Боюсь, чтоб странные его манеры
(Он в первый раз увидит представление)
Не вызвали бы хохота у вас, –
Не то обидится, предупреждаю;
Разгневаться он может за улыбку.

Актер

Мы сдержимся, милорд, не беспокойтесь,
Будь он забавнейший чудак на свете.

Лорд

(слуге)

Ступай, сведи в буфетную актеров,
Прими радушно, вкусно угости,
Все предоставь им, чем богат мой дом.

Слуга и актеры уходят.

Сходи-ка за пажом Бартоломью;
Скажи, чтоб женское надел он платье,
И в спальню к пьянице его сведи,
Зови «мадам» и кланяйся. И если
Он хочет заслужить мою любовь,
Пусть держится с достоинством таким,
Какое видел он у знатных леди
По отношению к их мужьям вельможным.
Так он вести себя с пьянчужкой должен
И нежно говорить с поклоном низким:
"Что приказать угодно вам, милорд,
Чтобы могла покорная супруга
Свой долг исполнить и явить любовь?"
В объятье нежном, с поцелуем страстным
Пусть голову на грудь ему опустит
И слезы льет как будто бы от счастья,
Что видит в добром здравии супруга,
Который все последние семь лет
Считал себя несчастным, грязным нищим.
А если мальчик не владеет даром
По-женски слезы лить как на заказ,

Ему сослужит луковица службу:
В платок припрятать, поднести к глазам –
И слезы будут капать против воли.
Исполни все как можно поскорей
И жди моих дальнейших приказаний.

Слуга уходит.

Способен этот мальчик перенять
Манеры, грацию и голос женский.
Я жажду услышать, как назовет он
Пьянчужку дорогим свои супругом,
Как со смеху давиться будут слуги,
Ухаживая за бродягой этим.
Пойду взгляну. Присутствие мое
Умерит их излишнее веселье,
Не то оно границы перейдет.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 2

Спальня в доме лорда.

Входит Слай в сопровождении слуг; одни несут платья, другие таз, кувшин и прочие принадлежности. С ними лорд.

Слай

Ох, ради бога, дайте кружку зля!

Первый слуга

А не угодно ль хересу, милорд?

Второй слуга

Цукатов не хотите ль, ваша светлость?

Третий слуга

Какое платье ваша честь наденет?

Слай

Я – Кристофер Слай; не зовите меня ни «вашей милостью», ни «вашей честью»; хересу я отродясь не пил, а уж если хотите угостить меня цукатами, так угощайте цукатами из говядины. Незачем вам спрашивать, какое я платье надену, потому что у меня не больше камзолов, чем спин, не больше чулок, чем ног, не больше башмаков, чем ступней, а иногда ступней даже больше, чем башмаков, или

такие башмаки, что из них пальцы наружу торчат.

Лорд

Спаси вас бог от эдакого бреда!
Подумать только, что могучим лордом,
Богатым, знатным и высокочтимым,
Так овладели низменные мысли!

Слай

Вы что же, хотите меня с ума свести? Разве я не Кристофер Слай, сын старого Слая из Бертонской Пустоши,³ разносчик по происхождению, чесальщик по образованию, медвежатник по превратности судьбы, а по теперешнему ремеслу медник? Да спросите вы Мериан Хеккет,⁴ толстую трактирщицу из Уинкота⁵, знает ли она меня. Если она вам скажет, что я не задолжал по счету четырнадцать пенсов за светлый эль, считайте меня самым лживым мерзавцем во всем христианском мире. Что! Не одурел же я окончательно! Вот...

Третий слуга

Вот почему скорбит супруга ваша!

Второй слуга

Вот почему грустят и ваши слуги!

Лорд

Вот почему родня вас избегает!
Безумье ваше гонит их отсюда.
О благородный лорд, подумай, кто ты,
Свое происхождение припомни;
Былой свой разум снова обрети,
Очнись от недостойных сновидений.
Смотри, как за тобою ходят слуги
И угодить готовы – лишь кивни.
Ждешь музыки? Чу! Аполлон играет,

Музыка.

И в клетках соловьи залились трелью.
Захочешь спать? Положим на постель,
Нежнее, и роскошнее, и мягче
Семирамиды⁶ сладостного ложа.
Гулять пойдешь? Усыплем путь цветами.
Кататься хочешь? Оседлаем коней,
Заблещут жемчуг, золото на сбруе.

Ты любишь соколиную охоту?
Взлетит твой сокол жаворонка выше.
Пойдешь на зверя? Лай твоих собак
Заставит отозваться свод небесный
И эхом прозвучит из недр земли.

Первый слуга

Травить начнешь? Летят твои борзые
Быстрее оленя и резвее лани.

Второй слуга

Картины любишь? Их мы принесем.
Изображен Адонис у ручья
И Цитерея, скрытая в осоке,⁷
Колеблемой ее дыханьем легким,
Как нежным дуновеньем ветерка.

Лорд

Тебе покажем мы, как деву Ио
Сумел Юпитер захватить врасплох.⁸
Все точно нарисовано, как было.

Третий слуга

Иль Дафну, что бредет в тернистой чаще,
Изранив ноги нежные до крови;
В слезах глядит на это Аполлон,⁹
И кажется, что все воочью видишь,
Так верно переданы кровь и слезы.

Лорд

Ты – лорд, пойми; не кто иной, как лорд!
Красавица жена твоя прекрасней
Любой из женщин нашего столетья.

Первый слуга

Пока она не портила лицо
Ручьями слез, из-за тебя пролитых,
Она была всех женщин в мире краше,
Да не уступит и теперь любой.

Слай

Я – лорд? И у меня жена-красотка?
Я, может, сплю? Иль спал я до сих пор?
Не сплю! Я говорю, я вижу, слышу,
Тут сладко пахнет, мягкие все вещи.
Ей-богу, кажется, я вправду лорд.
Не медник вовсе, не Кристофер Слай.
А ну, ведите-ка сюда жену
И дайте, повторяю, кружку зля.

Второй слуга

Угодно ль вымыть руки, ваша светлость?
Мы счастливы, что к вам вернулся разум
И вспомнили вы, кто же вы такой.
Вы спали крепким сном пятнадцать лет,
И даже пробуждаясь – тоже спали.

Слай

Пятнадцать лет! Ей-ей, вздремнул недурно!
И я не разговаривал все время?

Первый слуга

Нет, говорили, только очень странно.
Вы, лежа в этой комнате прекрасной,
Кричали, что вас вышибли за дверь,
Трактирщицу ругали беспощадно
И в суд грозились потянуть ее
За то, что эль недоливает в кружки;
Иль начинали кликать Сайсли Хеккет.

Слай

Ну да! Это дочка трактирщицы.

Третий слуга

Вам не знакомы ни трактир, ни дочка,
Ни те, кого вы называли здесь,
Ни Стивен Слай, ни Старый Джон Непс-Сало,10
Ни Питер Торф, ни Генри Пимпернел,
Ни прочие, подобные им лица,
Которых не знавал никто на свете.

Слай

Ну, возблагодарим же тебя, господи боже мой, за то, что я исцелился!

Все

Аминь.

Слай

Спасибо; но и ты не прогадаешь.

Входит паж, переодетый дамой, за ним слуга.

Паж

Как чувствует себя милорд сегодня?

Слай

Отлично чувствую. Еды здесь вдоволь.
А где моя жена?

Паж

Я здесь, милорд. Что приказать угодно?

Слай

Жена моя? Что ж не зовете мужем?
Для слуг я лорд, а вам я муженек.

Паж

Вы муж мой и милорд. Милорд и муж,
А я жена, и вам во всем послушна.

Слай

Ну ясно! – Как мне звать ее?

Лорд

Мадам.

Слай

Мадама Элс или мадама Джон?11

Лорд

Мадам – и все. Так жен зовут вельможи.

Слай

Мадам жена! Мне сказывают, спал я;
Проспал пятнадцать лет, а то и больше.

Паж

А мне казалось – три десятка лет
Я лишена супружеского ложа.

Слай

Долгонько! – Слуги, убирайтесь вон. –
Мадам, разденьтесь живо, и в постель!

Паж

О трижды благородный лорд, молю вас
Ко мне не прикасаться ночь иль две
Или хотя бы до захода солнца;
Врачи мне настоятельно велели,
Боясь, чтоб к вам недуг не возвратился,
Супружеского ложа избегать –
И в этом оправдание мое.

Слай

Да ведь дело так обстоит, что долго ждать мне невтерпеж. Но и заболеть этими снами мне опять же не хочется. Придется, видно, подождать, невзирая на плоть и кровь.

Входит слуга.

Слуга

Актеры вашей светлости, узнав,
Что вам полегче, разыграть готовы
Веселую комедию пред вами.
По мнению врачей, полезно это,
Печаль вам чересчур сгустила кровь,
А меланхолия родит безумье.
Вам представленье нужно посмотреть,
Настроившись на радость и веселье;
Они ведь изгоняют тьму недугов
И помогают людям жизнь продлить.

Слай

Ладно уж, – пусть себе играют. А это что будет – святочная потеха или акробаты?

Паж

Нет, это презабавная вещица.

Слай

Из домашних вещиц, что ли?

Паж

Нет, что-то вроде хроники.

Слай

Ну что ж, посмотрим. Давай-ка, мадама жена, садись со мной рядком, и будь что будет. Один раз молоды бывает.

АКТ I

СЦЕНА 1

*Падуя. Площадь.
Входят Люченцио и Транио.*

Люченцио

Сбылось мое заветное желанье
Увидеть Падую, наук питомник,

И наконец в Ломбардию я прибыл –
Волшебный сад Италии великой.
Благодаря отцу, его заботам
И доброму ко мне расположенью,
Я заручился обществом твоим,
Испытанный слуга мой, верный Транио.
Здесь заживем и в добрый час приступим
К познанию наук и изысканьям.
Родился в Пизе я. Был город этот
Давно прославлен именами граждан
Достойнейших; среди них и мой отец
Винченцио из рода Бентиволио;
Торговлю с целым миром он ведет.
А я был во Флоренции воспитан
И должен оправдать его надежды,
Украшив добродетелью богатство.
Вот почему я, Транио, займусь
Той областью науки философской,
Которая трактует нам, что можно
Лишь добродетелью достигнуть счастья.
Что скажешь ты? Ведь, оставляя Пизу,
Я в Падую спешил как человек,
Которого влечет из мелководья
Скорее погрузиться в глубину,
Чтоб утолить томительную жажду.

Транио

Mi pardonate, 12 добрый мой хозяин!
Я рад, что твердо вы решили сласть
Сладчайшей философии вкусить,
Но только, мой хозяин, преклоняясь
Пред этой добродетельной наукой,
Нам превращаться вовсе нет нужды
Ни в стойков, синьор мой, ни в чурбаны.
И, Аристотелевы чтя запреты,
Овидием нельзя пренебрегать. 13
Поупражняйтесь в логике с друзьями,
Риторикой займитесь в разговорах,
Поэзией и музыкой утешьтесь,
А математику и вместе с нею
И метафизику примите в дозах,
Не больших, чем желудок позволяет.
В чем нет услады, в том и пользы нет;
Что вам по нраву, то и изучайте.

Люченцио

Спасибо, Транио! Совет хорош.
Вот если бы здесь был уже Бьонделло,

Устроиться бы сразу мы могли
И дом нанять удобный для приема
Друзей, которых в Падуе найдем.
Постой! А кто это идет сюда?

Транио

Торжественно встречают нас, наверно.14

*Входят Баптиста, Катарина, Бьянка, Греммо и Гортензио. 15
Люченцио и Транио отходят в сторону.*

Баптиста

Прошу, не докучайте мне, синьоры,
Вы знаете – я тверд в своем решенье
И замуж дочку младшую не выдам,
Пока для старшей не найдется муж.
Другое дело, если кто из вас
Отдал бы предпочтенье Катарине,
Тогда, обоих зная и любя,
Не стал бы вам препятствий я чинить,
И сладили б мы дело любовно.

Греммо

(в сторону)

Сам черт не сладит с нею, так зловредна. –
Гортензио, ее возьмете в жены?

Катарина

К чему, отец, вам превращать меня
В посмешище для пары дураков?

Гортензио

Для пары? Вот как? Мы-то вам не пара,
Пока не поутихнете немного.

Катарина

Синьор, вам брак со мною не грозит:
Таким путем не побеждают женщин.
А не отстанете, так причешу
Я вам башку трехногим табуретом

И, как шута, измажу вас при этом.

Горгензио

Спаси нас бог от эакого черта!

Гремио

Да и меня спаси.

Транио

Синьор, глядите-ка! Ну и дела!
Она взбесилась иль как ведьма зла.

Люченцио

Зато в молчанье той, в ее обличье
Я вижу тихий, скромный нрав девичий.
Тсс, Транио, молчи.

Транио

Молчу, синьор. Но вы глядите в оба.

Баптиста

А чтоб свое решенье подтвердить,
Тебе велю я, Бьянка, удалиться.
Ступай домой. Не огорчайся, дочка, —
Тебя я никогда не разлюблю.

Катарина

Любимица, уж что и говорить!
Глаза ее всегда на мокром месте.

Бьянка

Что ж, радуйся, сестра, моей беде. —
Отец, я покоряюсь вашей воле.
Пусть музыка и книги мне заменят
Друзей в уединении моем.

Люченцио

Ты слышишь, Транио? То речь Минервы!6.

Гортензио

Ужель вы так поступите, синьор?
Как жаль, что Бьянке принесли мы горе
Своей любовью.

Гремио

Вы ее запрете,
Синьор Баптиста, из-за ведьмы этой?
Страдать должна за злой язык сестры?

Баптиста

Синьоры, хватит. Это решено. –
Иди же, Бьянка.

Бьянка уходит.

А так как знаю я, что очень любит
Поэзию и музыку она,
Я для нее найму учителей;
Пусть наставляют юность. – Если вы,
Синьоры, знаете таких, прошу
Прислать их в дом ко мне. Ученым людям
Я буду рад; не пожалею денег.
Прощайте же. – Останься, Катарина,
Еще поговорить мне надо с Бьянкой.
(*Уходит.*)

Катарина

А мне нельзя уйти отсюда, что ли?
Указывают! Будто я сама
Не знаю, что мне надо, что не надо.
(*Уходит.*)

Гремио

Можешь отправляться к чертовой бабушке. Ты так прелестна, что никто не станет тебя удерживать. – Видно, Гортензио, отец и старшая дочка не очень-то между собой ладят, а нам с вами придется слюнки пускать, покуда пирог наш не подрумянится. Прощайте. Но в знак любви, которую я питаю к дорогой моей Бьянке, если мне удастся подыскать ей подходящего учителя, я его порекомендую синьору Баптисте. Пусть обучает ее тому, что ей нравится.

Гортензио

Так же поступлю и я, синьор Гремио. Однако разрешите сказать вам словечко. Хотя характер нашей ссоры и не давал нам возможности поговорить откровенно, знайте – все, что я сейчас скажу, касается нас обоих. Мы можем снова получить доступ к нашей прекрасной повелительнице и снова стать счастливыми соперниками в любви к Бьянке – только после того как потрудимся и наладим одно дело.

Гремио

Прошу сказать, какое.

Гортензио

Ясное дело, сударь: раздобудем мужа для ее сестры.

Гремио

Мужа? Черта ей нужно, а не мужа.

Гортензио

Я говорю – мужа.

Гремио

А я говорю – черта. Неужели вы думаете, Гортензио, что при всем богатстве ее отца кто-нибудь согласится жениться на ведьме из пекла?

Гортензио

Полно, Гремио! Хоть у нас с вами и не хватит терпения выносить ее вопли, на свете есть молодцы, которые возьмут ее со всеми недостатками, было бы лишь денег вволю. Надо только напасть на такого.

Гремио

Сомневаюсь. Я бы скорее согласился взять ее приданое с условием, что меня каждый день будут бить кнутом у позорного столба.

Гортензио

Да, между гнилыми яблоками выбирать не приходится. Но так как эта помеха сделала нас друзьями, нам следует сохранять дружбу до тех пор, пока мы не выдадим замуж старшую дочь Баптисты и не освободим младшую. А там снова начнем соперничать. Дивная Бьянка! Счастлива участь того, кому она достанется! Кто окажется проворнее, тот и получит приз. Что скажете, синьор Гремио?

Гремио

Я согласен. Я подарил бы лучшего скакуна в Падуе тому, кто согласился бы ухаживать за Катариной, посвататься к ней, жениться на ней, разделить с нею ложе и избавить от нее отцовский дом. Идемте!

Гремио и Гортензио уходят.

Транио

Возможно ли, синьор мой, чтоб любовь
Вдруг овладела вами так внезапно?

Люченцио

Не убедись я только что на деле,
Я сам бы не поверил в это, Транио.
Пока стоял я праздно и смотрел,
Родилась вдруг из праздности любовь.
И я тебе признаюсь откровенно, –
Ведь для меня ты так же дорог, Транио,
Как Анна для царицы Карфагенской,¹⁷ –
Горю я, изнываю и погибну,
Коль скромницы прелестной не добьюсь.
Дай, Транио, совет; ведь знаю – можешь.
О Транио, спаси; ведь знаю – хочешь.

Транио

Вас побранил бы, сударь, да не время.
Любовь из сердца не прогонишь бранью.
Уж раз влюбились, так одно осталось –
Redime te captum quam queas minimo.¹⁸

Люченцио

Спасибо, друг мой, продолжай. Ты прав.
Утешь меня; твои советы мудры.

Транио

Так страстно вы на девушку глядели,
Что угледеть суть дела не смогли.

Люченцио

О да, я видел красоту ее:
Такой лишь Агенора дочь блистала, 19
Когда ей руку целовал Юпитер
На Критском берегу, склонив колена.

Транио

И это все? Так, значит, проглядели
Скандал, затеянный ее сестрицей?
Был шум такой – хоть уши затыкай!

Люченцио

Движенье губ коралловых я видел;
Струило аромат ее дыханье;
Все в ней святым казалось и прекрасным.

Транио

Ну, надо в чувство привести его! –
Опомнитесь, синьор! Уж раз влюбились,
Так потрудитесь шевелить мозгами,
Чтоб девушку добыть. Вот дело в чем:
Сестра у ней сварлива, точно ведьма;
Пока отец не выдаст замуж старшей,
Сидеть в девицах вашей милой, сударь.
Он для того на ключ ее и запер,
Чтоб ей не докучали женихи.

Люченцио

Ах, друг мой, как жесток ее отец!
А ты слышал, что он нанять желает
Наставников для обученья дочки?

Транио

Еще бы, сударь! И кой-что придумал.

Люченцио

И я придумал тоже.

Транио

Ну, хозяин,
Ручаюсь, наши планы совпадут.

Люченцио

Скажи мне прежде свой.

Транио

Хотите вы
Учителем явиться в дом к Баптисте
И девушку наукам обучать –
Вот план ваш!

Люченцио

Верно. Выполним его!

Транио

Немыслимо! А кто, скажите, сударь,
Как сын Винченцио здесь будет жить?
Науки изучать, и дом вести,
И для друзей устраивать пирушки?

Люченцио

Да перестань! Я все уже обдумал.
Мы не знакомы в Падуе ни с кем,
А ведь по лицам нашим не узнать,
Кто господин, а кто слуга; так вот,
Отныне господином станешь ты!
Ты дом веди и управляй прислугой,
А я прикинусь неаполитанцем
Иль бедняком каким-нибудь из Пизы.
Так, значит, решено! Разденься, Транио,
Возьми-ка плащ мой и цветную шляпу,²⁰
Придет Бьонделло – пусть тебе он служит,
А я велю помалкивать ему.

Транио

Да, это никогда не помешает.

Они обмениваются платьем.

Ну что ж, синьор, коль вы решили так,
Мой долг велит мне вам повиноваться.
Отец ваш мне сказал перед отъездом:
«Старайся сыну услужить во всем», –
Хоть, правда, он имел в виду другое...
Но я охотно превращусь в Люченцио
Из-за того, что я люблю Люченцио.

Люченцио

И потому, что сам Люченцио любит.
О, дай мне стать рабом, чтоб той добиться,
Чей образ взор мой раненый пленил! –
А, вот он, плут!

Входит Бьонделло.

Ты где же пропадал?

Бьонделло

Где я пропадал? Нет, как это вам нравится? Вы-то сами куда пропали? Хозяин, это мой друг Транио украл у вас платье? Или вы у него украли? А может быть, вы обокрали друг друга? Ради бога, скажите, что случилось?

Люченцио

Бездельник, подойди, шутить не время,
Веди себя с делами сообразно.
Меня спасая, Транио решил
Принять мой вид, надев мою одежду,
А мне отдал свою. Вот дело в чем:
Сойдя на берег и ввязавшись в драку,
Убил я человека и теперь
Боюсь, как бы меня не опознали.
Теперь служить, как мне, ты должен Транио,
Я ж должен скрыться, чтобы жизнь спасти.
Ты понял?

Бьонделло

Я? Нет, ни черта не понял.

Люченцио

Ты имя Транио забудь отныне.
Нет Транио! Он стал теперь Люченцио.

Бьонделло

Тем лучше для него. Вот мне бы так!

Транио

Пойми, ведь я не для себя стараюсь:
Забочусь только, чтобы мой хозяин
Заполучил меньшую дочь Баптисты,
Поэтому советую тебе –
Не для меня, а только для синьора –
Держать язык покрепче за зубами.
Когда одни мы – для тебя я Транио,
А при других – Люченцио, твой хозяин.

Люченцио

Ну, Транио, пойдём.
Теперь осталось выполнить одно:
Тебе в число влюбленных записаться,
А если спросишь, для чего, – отвечу:
Есть веские причины у меня.

Уходят.

Первый слуга

Милорд заснул; совсем не смотрит пьесу.

Слай

Нет, клянусь святой Анной, смотрю. Хорошая штучка, ей-богу! А что, много еще осталось?

Паж

Начало лишь, милорд.

Слай

Замечательная история, мадама жена; поскорей бы только кончилась!

СЦЕНА 2

*Падуа. Перед домом Гортензио.
Входят **Петруччо** и **Грумио**.*

Петруччо

Оставил я Верону ненадолго,
Чтоб в Падуе с друзьями повидаться,
Особенно с моим любимым другом
Гортензио. Не это ль дом его?
Эй, Грумио, ну, стукни-ка разок.

Грумио

Стукнуть, синьор? Кого стукнуть? Разве кто-нибудь обидел вашу милость?

Петруччо

Говорю тебе, плут, валяй на мою голову, стукни покрепче!

Грумио

Стукнуть покрепче, синьор? Что вы, синьор! Да кто я такой, синьор, чтобы стукнуть вас покрепче?

Петруччо

Стучи в ворота, негодяй, в ворота,
Не то башку сверну тебе в два счета.

Грумио

(в сторону)
Вот ведь пристал!
(Громко.)
А стукни первый я,
От вас потом мне не было б житья.

Петруччо

Так ты не стукнешь, нет?

Сейчас задам тебе я звону, плут,
Поверь, иначе запоешь ты тут.
(Треплет Грумио за уши.)

Грумио

На помощь! На помощь! Мой хозяин спятил!

Петруччо

Стучи, когда велят, мошенник!

Входит Гортензио.

Гортензио

Что тут случилось? Как! Старина Грумио! Мой добрый друг Петруччо! Как вы там живете, в Вероне?

Петруччо

Явились драку вы разнять, приятель?
Con tutto il cuore ben trovato²¹ – очень кстати.

Гортензио

Alla nostra casa ben venuto, molto onorato signer mio Petruccio.²² Встань, Грумио. Сейчас мы разберемся.

Грумио

Нет, синьор, тут латынью не отговоришься.²³ Неужто уж и это не законный повод для меня отказать от службы? Сами рассудите, синьор: он велел мне стукнуть его, да еще покрепче. Ну подobaет ли слуге обходиться так со своим господином? Да ведь ему уже чуть не за тридцать два перевалило!

Когда бы стукнул я его сначала,
Так не моя бы голова трещала.

Петруччо

Ну и болван! – Любезный мой Гортензио,
Велел я олуху стучать в ворота,
Так ведь его и силой не заставишь!

Грумио

Стучать в ворота! О господи! Да разве вы мне не говорили вот эти самые простые слова: «Эй ты, стукни, стукни покрепче, валяй на мою голову, стукни»? А теперь вдруг появились «ворота».

Петруччо

Прочь, негодяй, иль замолчи сейчас же!

Гортензио

Ну, полно. Я за Грумио ручаюсь;
Он старый, славный, преданный слуга.
Вы просто с ним не поняли друг друга.
Но, милый мой, какой счастливый ветер
К нам в Падую занес вас из Вероны?

Петруччо

Тот ветер, друг, что гонит молодежь
За опытом и счастьем на чужбину.
Скажу я вкратце, как мои дела:
Синьор Антонио, мой отец, скончался,
Я ж устремился в этот лабиринт,
Чтоб преуспеть и выгодно жениться.
Есть деньги в кошельке, добро есть дома, –
И я решил постранствовать по свету.

Гортензио

А что, Петруччо, если я тебе
Посватаю без долгих разговоров
Строптивую и злющую невесту?
Спасибо вряд ли скажешь за услугу;
Но поручусь я, что она богата,
Весьма богата. Впрочем, ты мне друг,
И убеждать тебя я не хочу.

Петруччо

Таким друзьям, как мы с тобой, Гортензио,
Не нужно лишних слов. И если знаешь
Богатую невесту мне под пару, –
А для меня основа в браке – деньги, –
То будь она страшней, чем смертный грех,
То будь она дурней жены Флорентия,²⁴
Дряхлей Сивиллы²⁵, злее и строптивей
Сократовой Ксантиппы²⁶, даже хуже? –

Намерений моих не изменить ей,
Хотя б она и стала бушевать,
Как шторм на Адриатике свирепой.
Хочу я выгодно жениться в Падуе,
И будет брак мой в Падуе удачен.

Грумио

Ну вот видите, синьор, он так прямо и выложил все, что думает. Дайте ему только золота – и он вам женится хоть на кукле, хоть на деревяшке, хоть на старой карге, у которой ни одного зуба во рту нет, а болезней больше, чем у пятидесяти двух кляч. Ему все нипочем, были бы деньги.

Гортензио

(к Петруччо)

Ну, раз уж мы так далеко зашли,
Продолжу то, о чем сказал я в шутку.
Могу тебе невесту предложить.
Она богата, молода, красива,
Воспитанна, как знатная синьора,
Один порок имеет, но немалый:
Она сварлива просто нестерпимо,
Строптивая и грубая сверх всякой меры.
Приди мои дела в упадок полный,
За горы золота ее не взял бы.

Петруччо

Молчи! Ты силы золота не знаешь!
Скажи мне только, кто ее отец,
А я с ней справлюсь, если даже будет
Она, как гром в ненастье, грохотать.

Гортензио

Отца зовут Баптиста Минола,
Он добрый и учтивейший синьор.
А дочка – Катарина Минола,
И всем известен злой ее язык.

Петруччо

О ней не знал, но об отце наслышан:
С ним был знаком родитель мой покойный.
Пока с ней не увижусь, не усну,
И потому прости, но я тебя
Покину в первую минуту встречи,

Коль сам туда меня ты не проводишь.

Грумио

Прошу вас, синьор, пусть себе идет, пока есть охота. Помяните мое слово, если бы она его знала так же хорошо, как я, то поняла бы, что руганью его не проймешь. Да обзови она его двадцать раз негодяем, он и глазом не моргнет. А если уж сам начнет браниться, так не уймется, пока все свое красноречие не израсходует. Вот что я вам скажу, синьор: пусть только она ему одно словечко наперекор скажет, – он ей такую фигуру отмочит, что от ее фигуры ничего не останется и будет она на свет глядеть вроде слепого котенка. Вы его не знаете, синьор.

Горгензио

Постой, Петруччо! Я пойду с тобою.
Баптиста держит в доме, как в темнице,
Свою меньшую дочь, красотку Бьянку,
А мне она дороже всех сокровищ.
Ее укрыл он от меня и прочих
Поклонников – соперников в любви.
Считая, что пороки Катарины,
Известные тебе, помехой будут
Ее замужеству, – старик решил
Упрятать Бьянку под замок, покуда
Не сбудет с рук чертовку Катарину.

Грумио

«Чертовку Катарину!»! Слышал брань я,
Но хуже нет для девушки прозванья.

Горгензио

Петруччо, милый, сделай одолженье,
Представь меня в переодетом виде
Баптисте и скажи, что я учитель,
Весьма искусный в музыке и пенье.
Проделка эта даст возможность мне
Наедине ухаживать за Бьянкой,
Ни в ком не возбуждая подозрений.

Грумио

Ну и плутовство! Смотри-ка только, как молодежь сговаривается между собой, чтобы одурачивать стариков!

Входят Грумио и переодетый Люченцио с книгой под мышкой.

Гортензио

Тсс, Грумио! Вот это – мой соперник. –
Петруччо, отойдем.

Грумио

Хорош! Ну, прямо создан для любви.

Они отходят в сторону.

Гремио

Прекрасно! Прочитал я список книг
И их велю переплести получше.
Пусть будут книги только о любви –
Иных читать не вздумайте девице.
Вы поняли меня? А сверх того,
Что вам заплатит сам синьор Баптиста,
Прибавлю щедро я. Тетради эти
Как следует велите надушить.
Ведь та, кому назначены они,
Сама любых духов благоуханней.
А что вы ей намерены читать?

Люченцио

Что ни прочту, все будет вам на пользу,
Мой покровитель, можете поверить, –
Как будто с ней вы сами объяснились
И даже поуспешней, если вы
Не из ученых сами, мой синьор.

Гремио

Ученость! О, великое то дело!

Грумио

(в сторону)

Тетеря! О, великий ты осел!

Петруччо

Бездельник, смолкни!

Гортензио

Тсс, Грумио!
(Выходит вперед.)
Привет мой вам, синьор!

Гремио

Синьор Гортензио, я рад вас видеть!
Сказать, куда иду я? В дом к Баптисте.
Я справиться ему пообещал
Насчет учителя для дивной Бьянки,
Мне посчастливилось найти такого:
Учен и молод, скромн поведением,
В поэзии начитан и умен;
Он подойдет ей, уверяю вас.

Гортензио

Прекрасно. Повстречал и я синьора,
Который обещал мне музыканта,
Чтоб заниматься с нашей госпожой:
Так, значит, не отстал от вас и я
В служенье Бьянке, столь любимой мною.

Гремио

Нет, мной любимой! Докажу на деле.

Грумио

(в сторону)
Докажет денежный его мешок.

Гортензио

Сейчас не время спорить о любви.
Угодно выслушать меня, синьоры?
Скажу вам новость, важную для всех.
Вот дворянин, – мы встретились случайно, –
И он готов охотно ради нас
Посвататься к сварливой Катарине
И, о приданом сговорясь, жениться.

Гремио

Сказал и сделал – я люблю таких.
А он о всех ее пороках знает?

Петруччо

Я слышал, что она весьма криклива.
Коль это все, невелика беда.

Гремио

Вот как, дружок! А вы откуда родом?

Петруччо

Я родился в Вероне, сын Антонио.
Отец мой умер, но богатство живо;
А я лет сто хочу прожить счастливо.

Гремио

С такой женой? Поверить очень трудно!
Но если это вам под силу – с богом,
Я помогу! Нет, вправду вы решили,
Синьор, венчаться с этой дикой кошкой?²⁷

Петруччо

Да, так же твердо, как я жить решил.

Гремио

Решил ли он венчаться? Ну, еще бы!

Петруччо

Не для того ли я сюда приехал?
Да разве слух мой к шуму не привык?
Да разве не слышал я львов рычання?
Не слышал, как бушующее море
Бесилось, словно разъяренный вепрь?
На бранном поле пушек не слышал я
Или с небесным громом не знаком?
В пылу сраженья я не слышал, что ли,

Сигналов боевых и ржання коней? –
А мне твердят о женском языке!
Да он трещит едва ль не вдвое тише,
Чем на огне у фермера каштаны.
Пугайте им детей!

Грумио

Уж он не струсит!

Гремио

Послушайте, Гортензио!
Мне кажется, синьор явился кстати –
На счастье нам и самому себе.

Гортензио

Я обещал, что мы участие примем,
Расходы оплатив по сватовству.

Гремио

Да, безусловно, только б он женился.

Грумио

(в сторону)
Хотел бы так в обеде быть уверен.

Входят Транио, богато одетый, и Бьонделло.

Транио

Храни вас бог, синьоры! Смею ль я
Спросить у вас, как лучше мне пройти
К любезному Баптисте Минола?

Бьонделло

Синьор имеет в виду того, у кого две красивые дочери.

Транио

Да, именно его.

Гремио

А не ее ль хотите видеть там?

Транио

Его, ее – какое дело вам?

Петруччо

Вас не строптивая пленить сумела?

Транио

Строптивых не люблю. – Идем, Бьонделло.

Люченцио

(в сторону)
Прекрасно, Транио.

Гортензио

Синьор, минутку!
Вы свататься решили не на шутку?

Транио

А если да, кто будет оскорблен?

Гремио

Никто, коль тотчас уберетесь вон!

Транио

Но для меня, синьор, как и для вас,
Свободны улицы.

Гремио

Не в этот раз!

Транио

А по какой причине, объясните?

Гремио

По той причине, если знать хотите,
Что Бьянка выбрана синьором Гремио.

Гортензио

И что ее избрал синьор Гортензио.

Транио

Спокойней, господа, ведь вы дворяне;
Благоволите выслушать меня.
Баптиста – благороднейший синьор,
И мой отец ему небезызвестен;
Была бы дочь его еще прекрасней,
Пленяя вдвое больше женихов, –
Я все равно б в числе их оказался.
Прекрасная Елена, дочка Леды,
До тысячи вздыхателей имела²⁸ –
Так их у Бьянки может быть и больше
На одного. Вот я и стану им,
Будь сам Парис соперником моим.

Гремио

Ну, этот, кажется, нас всех обскачет.

Люченцио

Спокойствие! Окажется он клячей.

Петруччо

К чему слова вы тратите, Гортензио?

Гремио

Осмелюсь я спросить у вас, синьор,
Вы дочь Баптисты видели хоть раз?

Транио

Нет, мой синьор, но знаю, что их две.
Злым языком одна из них известна.
И славится вторая кротким нравом.

Петруччо

Стоп, стоп! Не трогать первую – моя!

Гремио

Оставьте этот подвиг Геркулесу:
Он потруднее дюжины других.

Петруччо

Синьор, могу сказать вам в утешенье:
Дочь младшую, к которой вы стремитесь,
Отец упрятал и не пустит к ней
Ни одного поклонника, покуда
Он старшей дочке мужа не найдет, –
Тогда меньшей он волю даст, не раньше.

Транио

Так, значит, вы тот самый человек,
Что всем, а в том числе и мне, поможет!
Клянусь, что если лед вы разобьете
И, подвиг совершив, добьетесь старшей,
Освободив для нас сестру меньшую, –
Счастливый обладатель юной Бьянки
Пред вами не останется в долгу.

Гортензио

Прекрасно рассудили вы и здраво,
Но так как сами тоже влюблены,
То вам придется с нами наравне
Вознаградить синьора за услугу.

Транио

Я не замедлю с этим, для чего
Прошу под вечер всех ко мне собраться
И выпить за здоровье нашей милой.
Давайте поступать как адвокаты –
В делах браниться, пить же сообща.

Грумио и Бьонделло

Вот это предложенье! Ну, идем.

Гортензио

Да, я не знаю предложенья лучше.
Ну что ж, добро пожаловать, Петруччо!

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

*Падуя. Комната в доме Баптисты.
Входят Катарина и Бьянка.*

Бьянка

Не издевайся надо мной, сестрица:
Ведь и сама себя ты унижаешь,
Меня в рабу пытаешь превратить.
Обидно мне! Я все наряды эти
Отдам тебе, лишь развяжи мне руки;
Да, все мои одежды, вплоть до юбки.
И все исполню, что ты ни прикажешь;
Мой долг святой – повиноваться старшим.

Катарина

Скажи сейчас же, кто из женихов
Тебе милей. Смотри не притворяйся!

Бьянка

Поверь, сестрица, среди всех мужчин
Мне ни один доньине не встречался,

Кому б я оказала предпочтенье.

Катарина

Лжешь, душечка! А это не Гортензио?

Бьянка

Тебе он нравится. Так я сама
Похлопочу, чтоб он тебе достался.

Катарина

А, значит, ты предпочитаешь деньги
И Гремио хотела бы в мужья?

Бьянка

Как! Ревновать меня ты можешь к Гремио?
Нет, шутишь ты – теперь я понимаю,
И ты шутила надо мной все время.
Сестрица Кет, ну развяжи мне руки.

Катарина

Шутила я? Тогда и это шутка?
(Бьет ее.)
Входит **Баптиста**.

Баптиста

Да что ж это такое? Ну и наглость! –
Ты, Бьянка, отойди. Бедняжка! Плачет!
Сядь вышивать, не связывайся с ней.
(Катарине.)
Стыдилась бы! Вот дьявольский характер!
Обидела сестру. А ведь она
Тебя не задевает: ты слыхала
От Бьянки хоть словечко поперек?

Катарина

Она меня своим молчаньем бесит!
Я этого не в силах перенести!
(Бросается к Бьянке.)

Баптиста

В моем присутствии! – Ступай-ка, Бьянка.

Бьянка уходит.

Катарина

Меня вы не выносите, я знаю,
Все – для нее. Она получит мужа,
А мне остаться старой девой, что ли,
И из-за вас в аду мартышек нянчить?²⁹
Молчите! Сяду вот и буду плакать,
Пока мне не удастся отомстить.
(*Уходит.*)

Баптиста

Ну есть ли кто несчастнее меня! –
Сюда идут...

Входят Греммо, Люченцио, бедно одетый, Петруччо, Гортензио под видом музыканта, Тра-нио и Бьонделло с лютней и книгами.

Греммо

День добрый, сосед Баптиста.

Баптиста

Здравствуйте, сосед Греммо. Бог в помощь вам, синьоры.

Петруччо

И вам, синьор. Скажите, вы отец
Прекрасной и любезной Катарины?

Баптиста

Да, у меня такая дочка есть.

Греммо

Вы слишком прямо; надо постепенно.

Петруччо

Оставьте, не мешайте мне, синьор.

(Баптисте.)

Я дворянин, приехал из Вероны,

Узнав, что Катарина, ваша дочь,

Умна, скромна, приветлива, красива

И славится любезным обхождением,

Решился я прийти, не званный вами,

Чтоб самолично убедиться в том,

Насколько справедливы эти слухи.

Для первого знакомства разрешите

Представить моего слугу, синьор.

(Представляет Гортензио.)

Искусный музыкант и математик,

Он вашу дочь обучит в совершенстве

Наукам этим, для нее не чуждым.

Его не взяв, обидите меня.

Из Мантуи он родом; имя – Личио.

Баптиста

Я рад вас видеть и его приму.

А что до Катарины, как ни грустно,

Я знаю – вам она не подойдет.

Петруччо

Вы, верно, не хотите с ней расстаться?

Иль общество мое противно вам?

Баптиста

Нет-нет. Я только то сказал, что думал.

Как вас зовут, синьор, и чей вы сын?

Петруччо

Меня зовут Петруччо, сын Антонио;

Повсюду он в Италии известен.

Баптиста

Отца я знал и сыну очень рад.

Гремио

Остановитесь же на миг, Петруччо,
И хоть словечко дайте вставить нам.
Черт поberi! Торопитесь вы слишком!

Петруччо

Хочу покончить с делом я скорей.

Гремио

Вы проклянете этот брак, ей-ей!

Сосед, я уверен, что вы очень довольны услугами, оказанными синьором Петруччо. Не хочу быть менее любезным, ибо я обязан вам более, чем все остальные, и посему смело рекомендую этого молодого человека (*представляет Люченцио*), который долго обучался в Реймсе. Он так же хорошо знает греческий, латынь и другие языки, как тот музыку и математику. Зовут его Камбио; я вас прошу принять его услуги.

Баптиста

Приношу вам тысячу благодарностей, синьор Гремио. – Добро пожаловать, милый Камбио. (*К Транио.*) Однако, любезнейший синьор, вы, кажется, человек не здешний; осмелюсь спросить о причине вашего прибытия?

Транио

Прошу, синьор, мою простите смелость,
Что сразу по приезде в этот город
Решил посвататься я к вашей дочке –
Прекрасной, добродетельнейшей Бьянке.
Небезызвестно мне решение ваше –
Для старшей мужа подыскать сначала,
Но я просил бы только об одном –
Чтоб вы, узнав мое происхождение,
Мне женихом позволили считаться
И благосклонны были, как к другим.
Люченцио зовут меня, синьор.
А вашим дочерям, для их занятий,
Я скромный инструмент принес, а также
Латинские и греческие книги.
И если вы принять их согласитесь,
Они тем самым ценность обретут.

Баптиста

Люченцио зовут вас? Вы откуда?

Транио

Я сын Винченцио, синьор, из Пизы.

Баптиста

Он важный в Пизе человек; я знаю
Его по слухам. Очень рад вас видеть.

(К Гортензио.)

Возьмите лютню.

(К Люченцио.)

Вы возьмите книги

И тотчас же пройдите к ученицам.

Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

Синьоров проводи

Немедля к дочерям; скажи, что я

Велел учителей принять любезно. –

Пройдемте в сад, потом обедать будем.

Синьоры, верьте, я вам очень рад,

Вы можете не сомневаться в этом.

Петруччо

Синьор Баптиста, медлить не могу я
И каждый день со сватовством являться.

Отец мой был известен вам, а я –

Наследник всех родительских богатств

И приумножил их – не промотал.

Итак, коль я добьюсь согласия дочки,

Приданое какое вы дадите?

Баптиста

По смерти – половину всех владений,

А к свадьбе дам я двадцать тысяч крон.

Петруччо

А я намерен закрепить за ней,

На случай, если бы вдовой осталась,

Именья мои и все аренды.

Напишем обязательства сейчас же,

И пусть они послужат нам контрактом.

Баптиста

Напишем после. Главное, добейтесь
Ее любви – все дело только в этом.

Петруччо

Вот пустяки! Не сомневайтесь, тесть:
Она строптива – но и я настойчив.
Когда же пламя с пламенем столкнутся,
Они пожрут все то, что их питало.
Хоть слабый ветер раздувает искру,;
Но вихрь способен пламя погасить.
Таков и я. Она мне покорится;
Я не юнец безусый, а мужчина.

Баптиста

Ну, сватайтесь, и дай вам бог удачи,
Но ругани наслушаетесь вдоволь.

Петруччо

Я не боюсь. Не свалит гору ветер,
Как ни силен подчас его напор.

Входит Гортензио с разбитой головой.

Баптиста

Что с вами? Отчего так бледны, друг мой?

Гортензио

От страха бледен, смею вас уверить.

Баптиста

Ну как, из дочки музыкантша выйдет?

Гортензио

Скорее выйдет из нее солдат.

Оружие ей нужно, а не лютня.

Баптиста

Ее презренья к лютне не сломили?

Гортензио

Она сломала лютню об меня.
Сказал я только, что в ладах ошиблась,
Согнул ей руку, чтоб поставить пальцы,
Как в раздраженье дьявольском она:
«Лады? – вскричала. – Ладьте с ними сами!»
И инструментом так меняхватила,
Что сразу голова прошла сквозь деку,
И я, как у позорного столба,
Стоял, оторопев, торча из лютни.
Она ж меня тем временем честила
Негодным струнодером и болваном
И всякими поносными словами,
Как будто их нарочно заучила,
Чтобы обидней обругать меня.

Петруччо

Клянусь душой, веселая девчонка!
Желаннее мне стала в десять раз.
Эх, перекинуться бы с ней словечком!

Баптиста

(к Гортензио)
Со мной идите и не огорчайтесь.
Займитесь с младшей дочерью; она
Понятлива и будет благодарна. –
Синьор Петруччо, вы пройдете с нами,
Иль Катарину к вам прислать сюда?

Петруччо

Пришлите лучше. Здесь я подожду.

Баптиста, Гремио, Транио и Гортензио уходят.

Придет она – ухаживать примусь;
Начнет беситься – стану ей твердить,
Что слаще соловья выводит трели;

Нахмурится – скажу, что смотрит ясно,
Как роза, окропленная росой;
А замолчит, надувшись, – похвалю
За разговорчивость и удивлюсь,
Что можно быть такой красноречивой;
Погонит – в благодарностях рассыплюсь,
Как будто просит погостить с недельку;
Откажет мне – потребую назначить
День оглашения и день венчанья.
Она идет. Петруччо, начинай!

Входит Катарина.

День добрый, Кет! Так вас зовут, слышал я?

Катарина

Слыхали так? Расслышали вы плохо.
Зовусь я от рожденья Катариной.

Петруччо

Солгали вы; зовут вас просто Кет;
То милой Кет, а то строптивой Кет,
Но Кет, прелестнейшей на свете Кет.
Кет – кошечка, Кет – лакомый кусочек,³¹
Узнай, моя сверхлакомая Кет,
Моя любовь, отрада, утешенье,
Что, услышав, как превозносят люди
Твою любезность, красоту и кротость, –
Хоть большего ты стоишь, несомненно, –
Я двинулся сюда тебя посватать.

Катарина

Он двинулся! Кто двинул вас сюда,
Пусть выдвинет отсюда. Вижу я,
Передвигать вас можно.

Петруччо

То есть как?

Катарина

Как этот стул.

Петруччо

Садись же на меня.

Катарина

Ослам таким, как ты, привычна тяжесть.

Петруччо

Вас, женщин, тяжесть тоже не страшит.

Катарина

Ты про меня? – Ищи другую клячу.

Петруччо

О, я тебе не буду в тягость, Кет.
Я знаю, молода ты и легка.

Катарина

Я так легка, что не тебе поймать,
А все же вешу столько, сколько надо.

Петруччо

Жужжишь, пчела!

Катарина

Ты на сыча похож!

Петруччо

Так горлинка достанется сычу!

Катарина

Побьет, пожалуй, горлинка сыча.

Петруччо

Спокойнее, оса; ты зла не в меру.

Катарина

Коль я оса – остерегайся жала.

Петруччо

А я его возьму да вырву прочь.

Катарина

Сперва найди его.

Петруччо

Да кто не знает,
Где скрыто жало у осы? В хвосте.

Катарина

Нет, в языке.

Петруччо

А в чем, скажи?

Катарина

Дурак!
В твоём, раз о хвосте сболтнул. Прощай.

Петруччо

Как! Мой язык в твоём хвосте! Ну нет!
Я дворянин!

Катарина

А вот сейчас проверим.

(Бьет его.)

Петруччо

Ударь еще – я сдачи дам, клянусь.

Катарина

Тогда с гербом простись:
Меня прибьешь – так ты не дворянин,
А герб не дворянину не положен.

Петруччо

Выходит, ты геральдики знаток?
Тогда внеси мой герб к себе в гербовник.

Катарина

А что на шлеме – петушиный гребень?

Петруччо

Пусть я петух – будь курочкой моей.

Катарина

Хорош петух! Боится кукарекать.

Петруччо

Ну полно, Кет! Ну, не смотри так кисло.

Катарина

Я кисну от кислятины всегда.

Петруччо

Здесь нет кислятины – так и не кисни.

Катарина

Нет, есть; нет, есть.

Петруччо

Где, покажи?

Катарина

Нет зеркала с собой.

Петруччо

Так это я?

Катарина

Хоть молод, а догадлив.

Петруччо

Да, молод – для тебя.

Катарина

Ты весь в морщинах.

Петруччо

Все от забот.

Катарина

А мне заботы нет!

Петруччо

Ну, Кет, послушай, так ты не уйдешь.

Катарина

Останусь – только рассержу. Пустите.

Петруччо

Сердись – не страшно. Мне с тобой приятно.
Мне говорили – ты строптива, зла,
Но вижу я – все эти слухи ложны.
Ты ласкова, приветлива на редкость,
Тиха, но сладостна, как цвет весенний;
Не хмуришься, не смотришь исподлобья
И губы не кусаешь, словно злючка;
Перечить в разговоре ты не любишь
И с кротостью встречаешь женихов
Любезной речью, мягким обхождением.
Кто говорил мне, будто Кет хромает?
Клеветники! Нет, Кет стройна, как пруттик
Ореховый. Смугла же, как орешек,
Но много слаще ядрышка его.
Пройдись, а я взгляну. Ты не хромаешь?32

Катарина

Ступай, болван, команду над прислугой!

Петруччо

Могла ли в роще выступать Диана
Так царственно, как в этом зале Кет?
Ты стань Дианой, а Диана – Кет;
Кет станет скромной, а Диана резвой.

Катарина

Да где таким речам вы научились?

Петруччо

Экспромты – от природного ума.

Катарина

Природа-мать умна, да сын безмозглый.

Петруччо

Я не умен?

Катарина

Пошли б вы лучше спать.

Петруччо

Я собираюсь спать в твоей постели.
Оставим болтовню. Я буду краток:
Отец тебя мне в жены отдает;
В приданом мы сошлись, а потому
Я на тебе женюсь добром иль силой.
Клянусь тем светом, что позволил мне
Узреть и полюбить твою красу, –
Ни за кого другого ты не выйдешь.
Рожден я, чтобы укротить тебя
И сделать кошку дикую – котенком,
Обычной милою домашней киской.
Вот твой отец. Отказывать не вздумай!
Я должен мужем быть твоим – и буду!

Возвращаются Баптиста, Гремио и Транио.

Баптиста

Ну как, синьор? Поладили вы с дочкой?
Во всем сошлись?

Петруччо

Могло ли быть иначе?
Нам невозможно не поладить с ней.

Баптиста

Но, дочка, что же ты невесела?

Катарина

И вы меня еще зовете дочкой!
Так вот отцовская забота ваша –
Меня за полоумного просватать,
Разбойника, нахала, грубияна,
Что наглостью рассчитывает взять!

Петруччо

Скажу вам, тесь: и вы, и все другие,
Болтавшие о ней, болтали зря.
Она сварлива так, для виду только,
На деле же голубки незлобивей;
Не вспыльчива совсем, ясна, как утро;
Терпением Гризельду³³ превзойдет,
А чистотой Лукреции³⁴ подобна.
Ну, словом, так сумели мы сойтись,
Что свадьба состоится в воскресенье.

Катарина

Увижу раньше, как тебя повесят!

Гремио

Ого, Петруччо! Раньше вас повесят!

Транио

Вот так сошлись! Ну, наше дело плохо!

Петруччо

Я выбрал для себя ее, синьоры,
А раз довольны мы – что вам за дело?
Условились мы с ней, что при других
Она по-прежнему сварливой будет.
Поверить невозможно, говорю вам,
Как влюблена в меня! О Кет моя!
Она повисла у меня на шее
И щедро поцелуй за поцелуем,
За клятвой клятву расточала мне,
Покуда страсть мою не разожгла.
Эх, суслики! Не знаете вы, видно,
Что может приручить наедине
Любой тихоня злейшую чертовку. –
Дай ручку, Кет. В Венецию я еду,
Куплю уборы свадебные там. –
Отец, готовьте пир, гостей зовите,
Пусть будет Кет моя прекрасней всех.

Баптиста

Что мне сказать? Соедините руки.
Петруччо, будьте счастливы! Я рад.

Гремио и Транио

Аминь. Свидетелями будем мы.

Петруччо

Отец, жена, синьоры, до свиданья.
Я уезжаю. Воскресенье близко,
Куплю наряды, украшенья, кольца.
Целуй же, Кет, меня без опасенья,
Сыграем свадьбу в это воскресенье!

Петруччо и Катарина уходят в разные стороны.

Гремио

Как быстро свадьбу сладили, однако!

Баптиста

Я роль купца играю, господя,
Что сбыл товар неведомо куда.

Транио

Товар ваш залежаться мог, синьор,
Теперь же прибыль даст иль в море сгинет.

Баптиста

Их счастье в браке – вот и прибыль мне.

Гремио

О, будьте в том уверены вполне.
Теперь поговорим о младшей дочке –
Настал желанный день. Я ваш сосед
И первым сватался к прелестной Бьянке.

Транио

Но Бьянку я люблю сильнее, чем можно
Сказать словами иль представить в мыслях.

Гремио

Не можешь ты любить, как я, глупыш!

Транио

Застудишь ты любовь.

Гремио

А ты спалишь!
Прочь, сосунок. Старик – жене опора.

Транио

Но к молодым стремятся женщин взоры.

Баптиста

Синьоры, стойте, я решу ваш спор.
Приз – по заслугам! Тот из вас, кто больше
Во вдовью часть моей назначит дочке,
Тот и получит Бьянку от меня.
Вы, Гремио, что можете ей дать?

Гремио

Дом городской мой серебром заставлен,
И золотой посудой, и тазами
Для омовенья рук ее нежнейших.
Он весь увешан тирскими коврами;³⁵
В ларцах слоновой кости груды денег,
А в кипарисных сундуках – наряды,
Тончайшее белье и балдахины,
Турецкие подушки с жемчугами,
Венецианское шитье золотое,
И утварь медная, и все, что нужно
В хозяйстве. У меня стоят на ферме
До ста коров с удоем по ведру,
Откормленных быков побольше сотни
И всякой прочей живности в избытке.
Я сам уже в летах, признаться должен,
Умри я завтра – ей оставлю все,
Пусть только согласится стать моею.

Транио

Все дело в этом «только». Я, синьор,
Единственный наследник у отца,
И, если дочь вы отдадите мне,
Достанется ей несколько домов
В богатой Пизе, – и любой из них
Нисколько не уступит дому Гремио.
А сверх того она получит в год
Две тысячи дукатов от имений.
Вот что составит вдовью часть ее.
Ну как, поддел я вас, синьор мой Гремио?

Гремио

Две тысячи дохода ежегодно?
Мои именья все того не стоят.
Но я еще корабль могу добавить;
Он в гавани стоит сейчас, в Марселе.
Что, сударь, подавились кораблем?

Транио

Все знают, что у моего отца
Три корабля помимо двух галер
И дюжины гребных судов. Все – Бьянке!
Что ни предложите, могу удвоить.

Гремио

Все предложил! Нет больше ничего!
Не в силах дать я больше, чем имею.
Гожусь – меня со всем добром берите.

Транио

Ну, значит, девушка теперь моя.
(*Баптисте.*)
Вы обещали. Победил я Гремио.

Баптиста

Признаюсь, ваше предложенье лучше,
И если бы отец ваш поручился, –
Берите Бьянку. Если ж нет – простите!
Умри вы до него – что с Бьянкой будет?

Транио

Вот пустяки! Я молод, он старик.

Гремио

А разве молодые-то не мрут?

Баптиста

Прошу, синьоры, выслушать меня.
Вот как решил я: в это воскресенье
Дочь Катарину замуж выдаю,
(к Транио)
И в то же воскресенье Бьянка станет
Невестой вашей, коль отец согласен;
А нет – ее за Гремио я выдам.
Спасибо вам обоим. До свиданья.

Гремио

Сосед, прощайте.

Баптиста уходит.

Ну, ты мне не страшен.
Балбес! Отец твой не такой дурак,
Чтоб, все отдав, идти на склоне лет
К тебе в нахлебники. Нет, милый, дудки!
Со старым лисом плохи будут шутки.
(Уходит.)

Транио

Ну, старый хрыч, тебе я отомщу!
Есть у меня еще в запасе козырь;
Я знаю, как хозяину помочь.
Не может разве мнимый сын – Люченцио
Добыть и мнимого отца – Винченцио?
Вот чудо! Ведь обычно создают
Отцы детей. Но я любви служу
И, если нужно, сам отца рожу!
(Уходит.)

АКТ III

СЦЕНА 1

Падуа. Дом Баптисты.

Входят Люченцио, Гортензио и Бьянка.

Люченцио

Эй, музыкант, кончай! Ты обнаглел!
Забыл уже, какой тебе прием
Устроила синьора Катарина?

Гортензио

Молчи, педант крикливый! Здесь сама
Гармонии царица пред тобою.
Так уступи мне первенство без спора.
Часок займусь я музыкой, а там
Часок и ты для чтения получишь.

Люченцио

Тупой осел! Ты так необразован,
Что назначенья музыки не знаешь.
Она должна лишь освежать наш ум,
Уставший от занятий и трудов.
Займусь я философией и чтеньем,
А ты потом сыграй для развлечения.

Гортензио

Твоих насмешек я терпеть не стану.

Бьянка

Вы обижаете меня, синьоры,
Своими пререканьями о том,
Что следует решать лишь мне одной.
Не школьница я, розги не боюсь,
Себя связать не дам я расписанием —
Когда хочу, тогда и занимаюсь.
Давайте кончим спор и сядем здесь.
(К Гортензио.)
Возьмите вашу лютню и настройте;
А мы тем временем займемся чтеньем.

Гортензио

Когда настрою, бросите читать?

Люченцио

Как бы не так! Настраивайте лютню.

Бьянка

Где мы остановились в прошлый раз?

Люченцио

Вот здесь, синьора.
"Hic ibat Simois; hic est Sigeia tellus;
Hic steterat Priami regia celsa senis".36

Бьянка

Переведите мне.

Люченцио

Hic ibat – как я уже говорил; Simois – я Люченцио; hic est – сын Винченцио из Пизы; Sigeia tellus – переделся для того, чтобы завоевать вашу любовь; hic stete– rat – а Люченцио, что сватается к вам; Priami – мой слуга Транио; regia – переодетый в мое платье; celsa senis – для того, чтобы лучше провести старого Панталоне.

Горгенцио

Синьора, я уже настроил лютню.

Бьянка

Послушаем... Фи, как верхи фальшивят!

Люченцио

Поплюйте и настраивайте снова.

Бьянка

Смогу ли я перевести, посмотрим. Hic ibat Simois – я вас не знаю; hic est Sigeia tellus – я вам не

верю; hic steterat Priami – будьте осторожны, чтобы он нас не услышал; regia – не будьте самонадеянны; celsa senis – не отчаивайтесь.

Гортензио

Ну вот, настроил я.

Люченцио

Низы фальшивят.

Гортензио

Низы верны; фальшивит низкий плут.
(*В сторону.*)
Учительшка дерзок и развязен;
Клянусь, за ней приволокнуться хочет,
Pedasculе! Я выслежу тебя!

Бьянка

Когда-нибудь, быть может, и поверю.
Сейчас боюсь.

Люченцио

Не бойтесь, Эакид³⁷
По деду был Аяксом наречен.

Бьянка

Учителю обязана я верить,
А то бы волю я дала сомненьям.
Оставим это, Личио, прошу вас. –
Любезные наставники, простите,
Что с вами я обоими шутила.

Гортензио

(*к Люченцио*)
Оставьте нас. Пойдите прогуляйтесь.
В три голоса я петь не собираюсь.

Люченцио

Вот строгости! Нет, я уж подожду.
(*В сторону.*)
Я послежу. Бьюсь об заклад, что наш
Любезный музыкант в нее влюбился.

Гортензио

Синьора, прежде чем коснуться струн
И до того, как вам поставить пальцы,
Азы искусства с вами мы пройдем.
Я объясню вам построенье гаммы
Понятнее, успешнее и лучше,
Чем всякие другие музыканты.
Вот гамма – я ее переписал.

Бьянка

Но гамму я и так отлично знаю.

Гортензио

Все ж ознакомьтесь с гаммою Гортензио.

Бьянка

(*читает*)
"Я гамма, всех аккордов основанье.
А, re – Гортензио пленен тобой,
В, mi – не отвергай его признанья!
С, fa – позволь тебя назвать женой.
Do, sol, re – ключ; две ноты в нем найдешь.
Е, la, mi – сжался, иль меня убьешь".
И это гамма ваша? Нет, милей
Мне гамма старая, и я не стану
Ее менять на ваши измышленья.

Входит слуга.

Слуга

Синьора, ваш отец велит оставить
Занятя ваши и помочь сестрице:
Ведь завтра под венец она идет.

Бьянка

Наставники любезные, прощайте!

Бьянка и слуга уходят.

Люченцио

Тогда и мне нет смысла оставаться.
(*Уходит.*)

Гортензио

А мне есть смысл за ним понаблюдать:
Он что-то на влюбленного походит.
Но если, Бьянка, помыслы твои
Столь низки, что любому прощельге
Ты строишь глазки, – так ступай к нему.
Но, убедившись в низости такой,
Гортензио расплатится с тобой.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 2

Падуа. Перед домом Баптисты.

Входят Баптиста, Гремио, Транио, Катарина, Бьянка, Люченцио и слуги.

Баптиста

(*к Транио*)
Синьор Люченцио, сегодня день
Венчанья Катарины и Петруччо,
А зятя и в помине даже нет.
Посмешищем в глазах людей мы станем!
Жених пропал, а в церкви ждет священник,
И все давно готово для венчанья.
Что скажете вы о позоре нашем?

Катарина

Позор лишь мне. Заставили насильно
И против воли сердца дать согласие
Заносчивому, грубому нахалу,
Шуту, который свататься спешил,
Да только не торопится жениться.
Я говорила вам, что он дурак
И прячет злость за наглостью своею.
А чтоб ему прослыть весельчаком,
Готов посватать тысячу невест,
Назначить свадьбу, пригласить друзей,

Не помышляя вовсе о женитьбе.
В лицо теперь мне пальцем будут тыкать:
Она, мол, стала бы женой Петруччо,
Когда б на ней изволил он жениться.

Транио

Баптиста, Катарина, успокойтесь!
Петруччо вас обманывать не станет.
Его случайность, видно, задержала.
Он хоть и груб немного, но разумен;
Хоть весельчак, да честный человек.

Катарина

Ах, лучше б я его совсем не знала!

Уходит плача; за нею Бьянка и другие.

Баптиста

Ступай, дитя! Не упрекну за слезы.
Святая не снесет такой обиды,
Не то что ты, с твоим строптивым нравом.

Входит Бьонделло.

Бьонделло

Хозяин! Хозяин! Новости, старые новости, такие новости, каких вы никогда не слышали!

Баптиста

Что это за старые новости? Как это может быть?

Бьонделло

А разве не новость – прибытие Петруччо?

Баптиста

Он прибыл?

Бьонделло

Нет, синьор.

Баптиста

Так в чем же дело?

Бьонделло

Он прибывает.

Баптиста

А когда он будет здесь?

Бьонделло

Тогда, когда будет стоять на моем месте и глядеть на вас.

Транио

Но расскажи нам твои старые новости!

Бьонделло

Ну как же! Петруччо едет в новой шляпе и старой куртке, в старых, трижды лицованных штанах; сапоги его служили свечными ящиками – один застегнут пряжкой, другой подвязан шнурком; старый ржавый меч из городского арсенала с изломанной рукояткой, отбитым острием и без ножен. На лошади – изъеденное молью седло, и стремяна друг с другом в родстве не состояли. Вдобавок еще лошадь больна сапом, холка сбита, зубы шатаются, селезенка екает, кожа в болячках, суставы распухли; страдает желтухой и головокружением; ее грызут глисты, спина с изъязном, лопатки торчат, на передние ноги припадает, удила сломаны, а недоуздок из бараньей кожи, да его, видно, так часто натягивали, чтобы лошадь не свалилась, что он разорвался и теперь в нескольких местах связан узлами. Подпруга сшита из шести кусков, а подхвостник бархатный, с дамского седла; на нем именные буквы, красиво выложенные гвоздиками, и связан он бечевкой.

Баптиста

А кто едет с ним?

Бьонделло

Ах, синьор, его слуга, разукрашенный не хуже лошади. На одной ноге у него бумажный чулок, на другой шерстяная гетра, и подвязаны они синим и красным шнурками. Старая шляпа, а вместо пе-

ра воткнуто сорок пестрых лент. Чудовище, истинное чудовище по наряду, и не похож ни на христианского лакея, ни на человеческого слугу.

Транио

Не зря Петруччо так смешно наряжен,
Обычно он как принято одет.

Баптиста

Я рад, что он явился, в каком бы он виде ни прибыл.

Бьонделло

Нет, синьор, он не прибыл.

Баптиста

Разве ты не сказал, что он прибыл?

Бьонделло

Кто? Петруччо прибыл?

Баптиста

Ну да; Петруччо прибыл.

Бьонделло

Нет, синьор; я сказал, что его лошадь прибыла, а он сидит на спине у нее.

Баптиста

Да ведь это одно и то же.

Бьонделло

Где видано такое?
Тут дело не простое;38
Ведь конь и господин,
Хоть больше, чем один,
А все-таки не двое.

Входят Петруччо и Грумио.

Петруччо

Куда все подевались? Эй, кто дома?

Баптиста

Вы в добром здравии?

Петруччо

Куда там в добром!..

Баптиста

Но не хромаете?

Транио

Сказать по правде,
Одеты вы не так, как подобает.

Петруччо

И в лучшем платье я спешил бы так же. –
Где Кет? Где нежная моя невеста?
Как тут мой тесть? Друзья, что ж вы надулись?
Что на меня вы пялите глаза?
Я статуя диковинная, что ли,
Комета иль невиданное чудо?

Баптиста

Синьор, но ведь сегодня ваша свадьба.
Грустили мы, что вас так долго нет;
Теперь грустим сильнее, таким вас видя.
Ведь ваш наряд – позор для жениха,
Долой его, он осквернит наш праздник.

Транио

Какие неотложные дела

С невестой разлучили вас, скажите?
И что это за необычный вид?

Петруччо

Рассказ не из коротких – скучно слушать;
Достаточно, что слово я сдержал,
Хоть и пришлось явиться с опозданием.
Я на досуге оправдаюсь так,
Что, верьте, вы останетесь довольны.
Но где же Кет? Мы долго не видались,
Проходит утро – время в церкви быть.

Транио

Нельзя идти к невесте в этих тряпках,
Зайдем ко мне, наденьте мой костюм.

Петруччо

Нет, не надену; я явлюсь к ней в этом.

Баптиста

Но ведь венчаться так вы не пойдете?

Петруччо

Нет, только так, а не иначе! Хватит!
Она со мной венчается, не с платьем.
Когда бы мог я собственную душу,
Которую она мне поистреплет,
Сменить так просто, как лохмотья эти,
Ей лучше было бы, а мне подавно.
Но что же я, дурак, стою, болтаю,
Когда мне следует спешить к невесте,
С ней поздороваться и закрепить
Свои права над нею поцелуем?

Петруччо и Грумио уходят.

Транио

Он с умыслом так нарядился странно.
Попробуем-ка убедить его
Венчаться в более приличном виде.

Баптиста

Пойду за ним, взгляну, что будет дальше.

Баптиста, Грелио и слуги уходят.

Транио

(к Люченцио)

К любви синьоры вам добавить нужно
Еще согласие вашего отца.
Для этого, как я уж говорил,
Нам нужен подходящий человек.
Не важно, кто он, – мы его научим
И назовем Винченцио из Пизы.
Пусть он здесь поручится за вас
На суммы покрупней, чем я сулил;
Тогда плоды своих надежд пожнете,
И дочку вам отдаст синьор Баптиста.

Люченцио

Когда бы жалкий этот музыкантик
Так не следил за каждым шагом Бьянки,
Я мог бы тайно обвенчаться с нею,
А там – пусть будет против целый свет –
Я за свое сумею постоять.

Транио

Мы это подготовим постепенно
И дело в нашу пользу обернем.
Мы окопачим старикашку Грелио
Ехидного папашу Минола
И влюбчивого музыканта Личио,
Раз это нужно вам, хозяин мой.

Возвращается Грелио.

Вы возвращаетесь из церкви, Грелио?

Грелио

Я прежде так из школы убежал.

Транио

Муж молодой с женою тоже вышли?

Гремио

Мужик он неотесанный – не муж;
Он грубиян и ей себя покажет.

Транио

Как! Он грубей ее? Нет, невозможно!

Гремио

Он дьявол, дьявол, настоящий черт.

Транио

Но и она чертовка, просто ведьма.

Гремио

Она дитя, ягненок рядом с ним.
Послушайте! Когда спросил священник,
Готов ли взять он в жены Катарину,
Он громко завопил: «Да, черт возьми!» –
И начал так отчаянно божиться,
Что ужаснулись все, а сам священник
От перепугу требник уронил;
Когда ж нагнулся, чтоб поднять его,
Жених ему такого дал пинка,
Что поп свалился наземь вместе с книгой.
"Ну, а теперь – загрохотал жених, –
Кому охота, поднимайте их!"

Транио

Ну, а невеста что же говорила?

Гремио

Она тряслась, а он ругался, топал,
Как будто поп его надуть хотел;
Когда же кончился обряд венчанья,

Потребовал вина³⁹ и тост заздравный
Так гаркнул, точно он на корабле
С матросами пирует после бури.
Мускат весь выдул и плеснул опивки
В лицо пономарю из-за того лишь,
Что тот своею жидкой бородежкой
К нему тянулся, будто ждал подачки.
Потом невесту обхватил за шею
И так ее он звонко чмокнул в губы,
Что эхо в сводах церкви отдалось.
Я со стыда сбежал, увидев это,
А вслед за мной и остальные тоже.
Столь дикой свадьбы свет еще не знал!
Но слышите?

Музыка.

Уж музыка играет.

Возвращаются Петруччо, Катарина, Бьянка, Баптиста, Гортензио, Грумио и гости.

Петруччо

Благодарю за хлопоты, друзья.
Вы собирались сесть за стол со мною
И приготовили роскошный пир;
Но у меня по горло спешных дел,
И потому я должен вас покинуть.

Баптиста

Как! Вы хотите ехать на ночь глядя?

Петруччо

Уеду я до наступленья ночи.
Не изумляйтесь. Если бы вы знали
Мои дела – совет бы дали ехать.
Спасибо всей компании любезной.
Вы видели, как отдал я себя
Нежнейшей, добродетельной супруге.
А вы останьтесь, попируйте с тестем.
Прошу вас выпить за мое здоровье.
Я ж должен ехать. Ну, прощайте все.

Транио

Мы просим вас остаться пообедать.

Петруччо

Нет, не могу.

Гремио

Я очень вас прошу.

Петруччо

Нет, невозможно.

Катарина

Я прошу вас очень.

Петруччо

Я рад.

Катарина

Остаться рады?

Петруччо

Нет, я рад,
Что попросили вы меня остаться.
Но, как бы ни просили, не останусь.

Катарина

Ну, из любви останьтесь.

Петруччо

Лошадей!

Грумио

Готовы, синьор; овес уже всех лошадей съел.

Катарина

Ну, если так –
Что хочешь делай, я не двинусь с места.
Нет, нет, и не сегодня, и не завтра,
Пока сама не захочу поехать.
Открыты двери; скатертью дорога,
И топай, пока целы сапоги.
Что до меня, то я останусь здесь.
Вот, нечего сказать, хороший муж!
Себя вы сразу показать сумели.

Петруччо

Да успокойся, киска, не сердись.

Катарина

Хочу сердиться! Вам-то что за дело? –
Отец, он будет с нами, я ручаюсь;
Пока не захочу, он не уедет.

Гремио

Заварится сейчас такая каша!..

Катарина

Прошу к столу пожаловать, синьоры.
Из женщины не трудно сделать дуру,
Когда она боится дать отпор.

Петруччо

Они пойдут к столу, как ты велела.
Прошу повиноваться новобрачной,
Идите пировать и веселиться
И пейте вдоволь за ее невинность,
Буяньте и кутите сколько влезет,
А не хотите – убирайтесь к черту!
Но милая жена со мной поедет;
Не топай, киска, не косись, не фыркай –
Я своему добру хозяин полный,
А ты теперь имущество мое:
Мой дом, амбар, хозяйственная утварь,

Мой конь, осел, мой вол – все что угодно.
Вот здесь она стоит. Посмейте тронуть –
И тут же я разделаюсь с любым,
Кто в Падуе меня задержит. Грумио,
К оружию! Хотят ограбить нас!
Спасай хозяйку, если ты мужчина.
Не бойся, Кет, тебя никто не тронет:
Я отобью хоть миллион врагов.

Петруччо, Катарина, Грумио уходят.

Баптиста

Пусть их идут. Не пара – загляденье!

Гремио

Еще чуть-чуть – и со смеху б я лопнул.

Транио

Безумней в мире не бывало брака.

Люченцио

Что скажете, синьора, о сестре?

Бьянка

Безумная она, и брак безумный.

Гремио

Она окатаринила его.

Баптиста

Друзья, хоть новобрачных с нами нет
И за столом пустуют их места,
Зато в избытке яства на пиру.
Пусть место жениха займет Люченцио;
Ты, Бьянка, сядь на место Катарины.

Транио

Чтоб к роли новобрачной приучаться?

Баптиста

Да, да, Люченцио. За стол, друзья!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Загородный дом Петруччо.

Входит Грумио.

Грумио

Тьфу, да пропади они пропадом, вседохлые клячи, все сумасбродные хозяева и все скверные дороги! Бывал ли когда человек так истрепан? Бывал ли когда человек так забрызган? Бывал ли когда человек так измучен? Меня послали вперед развести огонь, а они приедут следом греться. Не будь я мал да горяч, так у меня бы губы примерзли к зубам, язык к небу, сердце к желудку, прежде чем я бы успел развести огонь, чтобы оттаять. Но, раздувая огонь, я и сам согреюсь. Ведь по такой погоде человек и повыше меня схватит простуду. Эй, эй, Кертис!

Входит Кертис.

Кертис

Кто это зовет меня таким застывшим голосом?

Грумио

Кусок льда. Если сомневаешься, скатись вниз по моему плечу до пяток: разбега больше, чем от головы до шеи, не потребуется. Огня, славный Кертис!

Кертис

Мой хозяин и его жена едут, Грумио?

Грумио

Едут, Кертис, едут, а потому огня, огня! Хватит воду лить.

Кертис

А она в самом деле так горяча и строптивая, как говорят?

Грумио

Была, добрый Кертис, до этого морозца. Но ты ведь знаешь, стужа смиряет и мужчину, и женщину, и скотину. Вот она и смирила моего старого хозяина, и новую хозяйку, да и меня самого, друг мой Кертис.

Кертис

Убирайся ты, трехдюймовый болван! Я не скотина.

Грумио

Неужто во мне только три дюйма? Да у тебя рога длиной в целый фут, а уж я по крайней мере не меньше их. Намерен ты разводить огонь, или мне нужно жаловаться хозяйке? А так как она сама под рукой, то от ее руки тебе сразу холодно станет, за то, что медлишь со своим горячим делом.

Кертис

Прошу тебя, любезный Грумио, расскажи, что делается на свете?

Грумио

Холодно на свете, Кертис, холодно во всех должностях, кроме твоей. А посему – давай огня. Займись своим делом – и получишь поделом, потому что хозяин, и хозяйка чуть не до смерти замерзли.

Кертис

Ну, вот и огонь готов. Выкладывай теперь новости, милый Грумио.

Грумио

(напевает)

«Эх, Джек! Ах, Джек!...»⁴⁰ Новостей сколько тебе угодно.

Кертис

Ну и плут же ты отъявленный!

Грумио

Давай же огня! Меня страх как продуло. Где повар? Готов ли ужин, прибран ли дом, вымыты ли полы, сметена ли паутина? Надели слуги новые платья, белые чулки и свадебные украшения? Вымыты ли стаканы внутри, а чашки снаружи, постелен ли ковер и все ли в порядке?

Кертис

Все готово; поэтому прошу тебя, выкладывай новости.

Грумио

Ну так вот: во-первых, моя лошадь устала, а мой хозяин с хозяйкой бултыхнулись.

Кертис

Как?

Грумио

С седел прямо в грязь; вот тут и начинается история.

Кертис

Расскажи ее, добрый Грумио.

Грумио

Давай ухо.

Кертис

Вот оно.

Грумио

(бьет его)
Получай.

Кертис

Это значит почувствовать историю, а не выслушать.

Грумио

Потому-то и говорят люди: чувствительная история. А в ухо я тебе заехал для того, чтобы постучаться и попросить внимания. Начинаю: во-первых, спускались мы с грязного пригорка, причем мой хозяин ехал позади хозяйки...

Кертис

Оба на одной лошади?

Грумио

А тебе что?

Кертис

Не мне, а лошади...

Грумио

Ну, так сам дальше и рассказывай. А если бы ты меня не перебил, ты бы услышал, как ее лошадь оступилась, а она свалилась под лошадь; ты бы услышал, что там была за грязь, как хозяйка вся выпачкалась, как он ее оставил лежать под лошадью, а сам принялся лупить меня за то, что ее лошадь оступилась, как она шлепала по грязи, чтобы оттащить его от меня, как он ругался, как она умоляла – она, которой раньше и просить-то ни о чем не приходилось, – как я орал, как лошади разбежались, как ее уздечка лопнула, как я потерял подпругу и еще много всяких интереснейших вещей, которые теперь останутся в забвении, а ты сойдешь в могилу, так ничего и не узнав.

Кертис

По этому расчету выходит, что он еще строптивей ее!

Грумио

Вот именно. И ты, и самый важный из вас это сразу почувствуют, как только он вернется домой. Да что я заболтался? Зови сюда Натаниэля, Джозефа, Никласа, Филиппа, Уолтера, Лакомку и всех остальных. Пусть гладко причешут волосы, вычистят свои синие куртки, как следует завяжут подвязки. Пусть встанут на левое колено и не посмеют дотронуться даже до волоска в хвосте лошади хозяина, пока не приложатся к ручке. Ну как там, все готовы?

Кертис

Готовы.

Грумио

Зови их сюда.

Кертис

Эй, слышите? Вы должны встретить хозяина, чтобы не ударить лицом в грязь перед хозяйкой.

Грумио

Да ведь она сама лицом в грязь ударила.

Кертис

Кто же этого не знает?

Грумио

Ты не знаешь, раз собираешь людей, чтобы перед ней в грязь лицом не ударить.

Кертис

Я их зову, чтобы ее раздолжить.

Грумио

А она вовсе не собирается одалживаться.

Входят несколько слуг.

Натаниэль

Добро пожаловать, Грумио!

Филипп

Ну, как дела, Грумио?

Джозеф

Эй, Грумио!

Никлас

Дружище Грумио!

Натаниэль

Как поживаешь, старина?

Грумио

Добро пожаловать... Ну как дела... Эй, ты... Здорово, дружище... Ну и хватит для встречи. А теперь, друзья-щеголи, все ли готово, все ли в порядке?

Натаниэль

Все готово. Что, наш хозяин близко?

Грумио

Рукой подать, наверно, уже спешился; поэтому не... Тихо, черт побери! Я слышу его голос!

*Входят **Петруччо** и **Катарина**.*

Петруччо

Где эти олухи? Никто не встретит,
Коня не примут, стремя не подержат!
Где Грегори, Филипп, Натаниэль?

Слуги

Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!

Петруччо

«Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!»
Мужланы неотесанные, плуты!
Ни рвенья, ни заботы, ни старанья!
Где тот болван, кого вперед я выслал?

Грумио

Я здесь, синьор, и так же глуп, как прежде.

Петруччо

Ах ты растяпа, сукин сын, прохвост!
Ведь я тебе велел встречать нас в парке
И всех этих мерзавцев привести.

Грумио

У Натаниэля не готова куртка,
Разлезлись башмаки у Габриэля,
А Питер не успел покрасить шляпу,
Кинжал Уолтера еще в починке.
Лишь Ралф, Адам и Грегори одеты,
А остальные босы и в отрепьях,
Но даже в этом виде все пришли.

Петруччо

Ступайте, дурни! Подавайте ужин. –

Слуги уходят.

(Поет.)

"Где ты, жизнь моя былая,
Где..." – Кет, добро пожаловать, садись.
Ух-ха-ха-ха!

Входят слуги с ужином.

Мой милый котик, будь повеселее. –
Ташите сапоги с меня, мерзавцы!

(Поет.)

"Жил монах, молился богу,
Раз он вышел на дорогу..."⁴¹ –
Прочь, ротозей! Ты ногу оторвал мне.
Вот, получай!

(Бьет его.)

Не оторвешь другую! –
Развеселись же, Кет! – Эй, дайте воду! –
А где мой пес Троил? – Беги, болван,
Да позови кузена Фердинанда. –
Ты, Кет, должна поцеловаться с ним. –
Где туфли? Ну, дождусь ли я воды?

Входит слуга с кувшином и тазом.

Помойся, котик, сделай одолжение.

Слуга роняет кувшин.

Ах, сукин сын, еще ронять ты вздумал!
(*Бьет его.*)

Катарина

Ну, успокойтесь. Он ведь не нарочно.

Петруччо

Пес, олух, вислоухая каналья! –
Садись же, Кет. Ты голодна, конечно.
Прочтешь молитву, или мне читать? –
Барашек это?

Слуга

Да.

Петруччо

Кто подал?

Слуга

Я.

Петруччо

Он подгорел. Все начисто сгорело.
Ну что за псы! А где мошенник-повар?
Как смели вы из кухни принести
И мне подать к столу такую мерзость?
Долой ножи, тарелки, – все убрать!
(*Сбрасывает блюда с мясом и посуду на пол.*)
Лентяи! Бестолковые рабы!
Еще ворчите? Я вам покажу!

Катарина

Супруг мой, я прошу вас, не волнуйтесь.
Вам показалось, мясо не плохое.

Петруччо

Кет, я сказал – жаркое подгорело.
Нельзя такое есть. От этих блюд
Желчь разливается, рождая злобу.
Уж лучше попоститься нам сегодня,
Чем пережаренное мясо есть:
У нас с тобой и так довольно желчи.
Ну, потерпи! Мы утром все исправим.
А ночью попостимся за компанию.
Я в спальню провожу тебя, пойдем.

*Петруччо и Катарина уходят.
Возвращаются несколько слуг.*

Натаниэль

Ну, Питер, видел ты что-нибудь подобное?

Питер

Он ее бьет ее же оружием.

Возвращается Кертис.

Грумио

Где он?

Кертис

В спальне. Читает ей проповедь о воздержании.
Орет, буйнит, а она не знает,
Куда деваться, что ему ответить;
Сидит, бедняжка, будто в полусне.
Уйдем скорее! Он идет сюда.

*Уходят.
Входит Петруччо.*

Петруччо

Свое правление я мудро начал.
Надеюсь, что и завершу успешно.
Мой сокол голоден и раздражен.
Пока не покорится – есть не дам,
А то глядеть не станет на добычу.
Еще есть способ приручить дикарку,
Чтобы на зов хозяина бежала:

Мешать ей спать, как ястребу, который
Не хочет слушаться, клюет и бьется.
Кет голодна и снова не поест;
Ночь не спала, другую спать не будет.
Сперва придрался к мясу, а теперь
К постели придерусь: перину сброшу,
Подушки, одеяла расшвыряю,
Твердя при этом, что скандал я поднял
Единственно из-за вниманья к ней.
Всю ночь она, конечно, спать не сможет,
А чуть задремлет – я начну ругаться
И ей не дам уснуть ни на минуту.
Вот способ укротить строптивый нрав.
Кто знает лучший, пусть расскажет смело –
И сделает для всех благое дело.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

*Падуа. Перед домом Баттисты.
Входят Транио и Гортензио.*

Транио

Как, друг мой Личио, ужели Бьянка
Мечтает о другом, не о Люченцио?
Она меня предпочитала всем!

Гортензио

Хотите убедиться – встаньте здесь;
Проверьте-ка, чему ее он учит.

Входят Бьянка и Люченцио.

Люченцио

Как вы преуспеваете в ученье?

Бьянка

А вы чему же учитесь? Скажите.

Люченцио

Учу я одному – любви искусству.

Бьянка

Владеете искусством вы таким?

Люченцио

Да, милая, как сердцем вы моим.

Отходят в глубину сцены.

Гортензио

Блестящие успехи! А теперь
Вы поклялись бы, что синьора Бьянка
Лишь одному Люченцио верна?

Транио

О женское коварство! Вероломство!
Ах, Личио, я просто поражен.

Гортензио

Синьор, не заблуждайтесь. Я не Личио,
Не музыкант, каким казался вам,
Я маску больше не хочу носить
Во имя той, которая способна
Мне, дворянину, предпочесть мужлана,
Любовь свою бродяге подарив,
Узнайте же – меня зовут Гортензио.

Транио

Синьор Гортензио, мне доводилось
О ваших пылких чувствах к Бьянке слышать,
Но я теперь, воочью убедившись
В ее непостоянстве, предлагаю
Нам вместе от любви ее отречься.

Гортензио

Видали, как целуются? Люченцио,
Вот вам моя рука. Клянусь душою,
Не стоит Бьянка преданной любви,
Которую я нежно предлагал ей.

Транио

Клянусь и я ненарушимой клятвой,
Что не женюсь на ней, пусть даже просит!
Стыд и позор! Как льнет к нему, смотрите!

Гортензио

Все отречемся – пусть идет к нему!
Что до меня, то, клятву соблюдая,
В три дня женюсь я на вдове богатой,
Которая меня не меньше любит,
Чем я любил кокетку эту, Бьянку.
Итак, Люченцио, до скорой встречи.
Отныне в женщинах ценить я буду
Не красоту, а преданное сердце.
Прощайте. Клятву я свою сдержу.
(Уходит.)

Транио

(подходя к Бьянке)
Ну, вы достигли счастья наконец,
Желанного для любящих сердец.
Гортензио и я, мы ваши шашни
Увидели и отреклись от вас.

Бьянка

Вы оба отреклись? Ты шутишь, Транио!

Транио

Нет.

Люченцио

Значит, Личио нам не опасен.

Транио

Он свататься решил к вдове богатой
И свадьбу справить с нею в тот же час.

Бьянка

Вот и прекрасно! Дай им счастья, боже!

Транио

Ее он укротит.

Бьянка

Не сомневаюсь!

Транио

Ведь в школу укрощенья поступил он.

Бьянка

Да разве есть такая школа, Транио?

Транио

А как же! В ней учителем Петруччо.
Он знает двадцать способов различных,
Как жен строптивых прибирать к рукам
И воли не давать их языкам.

Входит Бьонделло.

Бьонделло

Синьор, синьор! Я сторожил так долго,
Что хуже пса устал. Но наконец
С холма спустился старикан почтенный;
Он подойдет, пожалуй, нам.

Транио

А кто он?

Бьонделло

Учительшка, верно, иль купец, –
Не знаю; но по виду и осанке

Сойдет вполне за вашего отца.

Люченцио

Ну, Транио, что скажешь ты об этом?

Транио

Что ж, если басне он моей поверит,
То будет рад изобразить Винченцио
И поручительство Баптисте дать,
Как будто он ваш подлинный родитель.
Теперь, синьор, уйдите с вашей милой.

*Люченцио и Бьянка уходят.
Входит странствующий учитель.*

Учитель

Храни вас бог, синьор.

Транио

И вам того же.
Идете дальше или остаетесь?

Учитель

Неделю или две пробуду здесь
И двинусь дальше. В Рим я направляюсь
И в Триполи, коль бог пошлет мне силы.

Транио

Откуда вы?

Учитель

Из Мантуи, синьор.

Транио

Из Мантуи, синьор? Храни вас небо!
Здесь, в Падуе, рискуете вы жизнью!

Учитель

Рискую жизнью? Я не понимаю.

Транио

Здесь мантуанцам угрожает смерть.
Синьор, ваш флот в Венеции задержан,
И герцог наш, поссорившийся с вашим,
Публично нам об этом объявил.
Прибуди сюда вы чуточку пораньше,
Все это вы слышали бы сами.

Учитель

Ну, значит, мне конец пришел, синьор!
Ведь во Флоренции взят мною вексель,
Который здесь я должен предъявить.

Транио

Не прочь бы я вам оказать услугу...
Мы вот что с вами сделаем: скажите,
Бывали в Пизе вы когда-нибудь?

Учитель

Бывал, синьор. И знаю, что немало
В том городе достойнейших людей.

Транио

А вам знаком один из них – Винченцио?

Учитель

Мы незнакомы, но о нем я слышал;
Он превосходит всех своим богатством.

Транио

Синьор, он мой отец. Замечу кстати,
Что очень вы похожи друг на друга.

Бьонделло

(в сторону)

Ни дать ни взять, как устрица на грушу.

Транио

Чтоб из беды вас выручить, готов я
Помочь вам ради моего отца.
А ваше поразительное сходство
С Винченцио – немалая удача.
Примите имя и кредит его.
И как отец со мною поселитесь.
Смотрите, разыграйте роль получше.
Понятно вам? Живите у меня,
Пока закончите свои дела.
Угодно вам принять мою услугу?

Учитель

Приму, синьор, и буду век считать,
Что жизнью и свободой вам обязан.

Транио

Пойдемте же, сейчас мы все уладим.
Да, между прочим, должен вам заметить,
Здесь ждут приезда моего отца,
Чтоб подтвердил он вдовью часть при браке
Меж мной и дочерью купца Баптисты.
Я объясню вам, как себя вести.
Пойдемте. Вам переодеться надо.

Уходят.

СЦЕНА 3

*Комната в доме Петруччо.
Входят Катарина и Грумио.*

Грумио

Нет, нет, клянусь вам жизнью, я не смею.

Катарина

Чем хуже мне, тем бешеной Петруччо.
Ужель на мне женился он затем,
Чтоб голодом морить свою супругу?
Когда стучался нищий в наши двери,
И то он подаянье получал
Иль находил в других домах участие.
Но мне просить еще не доводилось,
И не было нужды просить, а ныне
Я голодна, смертельно спать хочу,
А спать мешают бранью, кормят криком,
И самое обидное – что он
Любовью это смеет объяснять,
Как будто, если б я спала и ела,
Болезнь могла грозить мне или смерть.
Достань какой-нибудь еды мне, Грумио;
Не важно – что, лишь было бы съедобно.

Грумио

Ну, а телячья ножка, например?

Катарина

Чудесно! Принеси ее скорей!

Грумио

Боюсь, она подействует на печень.
Что скажете о жирной требухе?

Катарина

Люблю ее. Неси, мой милый Грумио.

Грумио

Но, впрочем, вам и это будет вредно.
А может быть, говядины с горчицей?

Катарина

О, это блюдо я охотно съем.

Грумио

Пожалуй, вас разгорячит горчица.

Катарина

Ну, принеси мне мясо без горчицы.

Грумио

Нет, так не выйдет. Я подам горчицу,
Иначе вам говядины не будет.

Катарина

Неси все вместе иль одно – как хочешь.

Грумио

Так, значит, принесу одну горчицу?

Катарина

Вон убирайся, плут, обманщик, раб!
Меня ты кормишь только списком блюд.
Будь проклят ты с твоею гнусной шайкой,
Что лишь смеется над моей бедой!
Пошел отсюда прочь!

*Входят **Петруччо** с блюдом и **Гортензио**.*

Петруччо

Ну как ты, Кет? Что, душечка, печальна?

Гортензио

Как вы живете?

Катарина

Хуже быть не может.

Петруччо

Приободришь, взгляни повеселее.
Смотри-ка, ангел мой, как я заботлив!
Сам приготовил блюдо для тебя.
Уверен, ты внимание оценишь.
(Ставит блюдо на стол.)
Как, ты молчишь? Не нравится тебе?
Так, значит, я трудился понапрасну?
Эй, все убрать!

Катарина

Нет, я прошу, оставьте.

Петруччо

А где же благодарность за услугу?
Скажи спасибо перед тем, как есть.

Катарина

Спасибо вам, синьор.

Гортензио

Синьор Петруччо! Как же вам не стыдно?
Прошу к столу, синьора. Сядем вместе.

Петруччо

(тихо к Гортензио)
Гортензио, будь другом. Съешь все сам.
(Громко.)
Ну, кушай на здоровье, дорогая,
Скорее ешь, и мы с тобой вернемся
К отцу и там повеселимся вдоволь.
Мы щегольнем, покажем все обновы,
Наряды, шляпки, бусы и браслеты,
И кружева, и ленты, и манжеты,
Шарфы и брыжи, веера и рюшки,
И всякие другие безделушки.
Ты все уж съела? Там портной хлопочет;
Твой стан украсить дивным шелком хочет.

Входит портной.

А ну, портной, показывай нам платье,

Тащи скорей.

Входит галантерейщик.

А ты что нам принес?

Галантерейщик

Вы шапочку заказывали, сударь.

Петруччо

Ты на горшке ее утюжил, что ли?
Какая гадость! Бархатная миска!
Фи, фи! Да это просто неприлично!
Ракушка или скорлупа ореха,
Игрушка, финтифлюшка, детский чепчик.
Прочь убери! И сделай-ка побольше.

Катарина

Не надо мне побольше. Эти в моде.
У всех хороших дам такие точно.

Петруччо

Сперва хорошей стань, потом получишь.
Не раньше!

Горгензио

(в сторону)
Долго ей придется ждать.

Катарина

Я тоже говорить имею право
И все сейчас скажу; я не ребенок,
Получше люди слушали меня;
А не хотите, так заткните уши;
Уж лучше дать свободу языку
И высказать, что в сердце накопилось.

Петруччо

Да, ты права! Негодная шапчонка.
Пирог из шелка, побрякушка, блюдце! –
Тебя еще сильнее за то люблю я,
Что эта дрянь тебе противна.

Катарина

Люби иль не люби, а я надену!
Она по вкусу мне, другой не надо.

Галантерейщик уходит.

Петруччо

Как наше платье? Покажи, портной.
Помилуй бог! Оно для маскарада?
А это что? Рукав или мортира?
Изрезан он, как яблочный пирог, –
Надрез, прореха, вырез и прорез!
Ну, право, как курильница в цирюльне!
Черт побери! Да что ж это такое?

Гортензио

(в сторону)

Ей не видать ни шапочки, ни платья.

Портной

Вы приказали сшить его красиво
И в соответствии с последней модой.

Петруччо

Да, приказал. Но вовсе не велел я
Его испортить по последней моде.
Ступай домой и прыгай через лужи.
Напрыгаешься без моих заказов.
Бери-ка платье! Делай с ним что хочешь.

Катарина

Но я прелестней не видала платья;
Изящно сшито, похвалы достойно!
Меня вы пугалом одеть хотите?

Петруччо

Не я, а он.

Портной

Нет, вы правы, синьора.

Петруччо

Ах, грубиян! Ты лжешь, наперсток, нитка!
Ты, ярд, три четверти, нет, четверть дюйма!
Ты, клоп, блоха, сверчок паршивый, вот кто!
Ты смеешь поносить меня, катушка,
Лоскут, тряпье, заплатка? Прочь отсюда,
Не то тебя я разутюжу так,
Что спорить ты отучишься навеки.
Я говорю – ты ей испортил платье.

Портной

Нет, сударь, вы ошиблись. Платье сшито,
Как моему хозяину велели;
Дал Грумио приказ, как надо шить.

Грумио

Материю я дал, а не приказ.

Портной

Но как вы платье наказали сшить?

Грумио

Черт побери! Иголкою и ниткой!

Портной

Но разве вы покрой не указали?

Грумио

Много ты платьев украсил мишурой?

Портной

Порядочно.

Грумио

Ну, а меня ты не обмишуришь. Много костюмов отдал? А от меня не отделаешься. И не обмишуришь и не отделаешься. Вот что я тебе скажу: я велел твоему хозяину покроешь платье, но не велел раскроить его на кусочки, – значит, ты врешь.

Портной

Да вот записка насчет фасона, она вам все докажет.

Петруччо

Читай.

Грумио

Записка врет, если там сказано, что я так сказал.

Портной

(читает)

«Во-первых, свободное платье».

Грумио

Хозяин, если я когда-нибудь говорил «свободное платье», – зашейте меня в подол и лупите концом суровой нитки, пока я не протяну ноги.

Петруччо

Продолжай.

Портной

(читает)

«С маленьким закругленным воротником».

Грумио

Воротничок – я признаю.

Портной

(читает)

«С пышным рукавом».

Грумио

Признаю даже два рукава...

Портной

(читает)

«Изящно вырезанным».

Петруччо

Вот это и пакостно.

Грумио

Ошибка в записке, синьор; ошибка в записке. Я велел, чтобы рукава сначала были вырезаны а затем опять вшиты. И я тебе это докажу, хоть твой мизинец и вооружен наперстком.

Портной

Все, что я сказал, правда. Попадись ты мне в другом месте, я бы тебе показал.

Грумио

Я готов хоть сейчас. Бери себе записку, отдавай мне свой ярд⁴² и наступай, не щади меня.

Гортензио

Помилуй бог, Грумио. Силы-то будут уж очень неравны.

Петруччо

Скажу короче: платье не по мне.

Грумио

Да, платье по хозяйке.

Петруччо

Подними-ка,
Портной, ты это платье, и пускай
Хозяин твой поступит как захочет.

Грумио

Негодяй, если дорожишь жизнью, не смей поднимать платье моей хозяйки для твоего хозяина.

Петруччо

Ты что этим хочешь сказать?

Грумио

Ах, синьор, дело-то ведь посерьезнее, чем вам кажется. Поднять платье моей хозяйки для его хозяина! Фи, стыд, стыд, стыд!

Петруччо

(тихо, к Гортензио)
Скажи портному – все ему уплатят.
(Портному.)
Бери же платье. Вон, без рассуждений!

Гортензио

(тихо, портному)
Портной, я завтра уплачу тебе;
Ступай, на брань не обращай вниманья,
Хозяину же передай поклон.

Портной уходит.

Петруччо

Что ж делать, Кет, придется ехать к тестю
Нам в этом скромном и обычном платье.

Хоть плох наряд – зато карман набит.
Не платье украшает человека.
Как из-за черных туч сверкает солнце,
Так честь блистает под одеждой бедной.
И разве сойка жаворонка лучше
Лишь потому, что ярче опереньем?
И предпочтем ли мы угрю гадюку
За то, что кожа у нее красивей?
Поверь мне, Кет, и ты не станешь хуже
Из-за простого, будничного платья.
А застыдишься – на меня свали.
Развеселись же. Мы немедля едем
На пир веселый к твоему отцу.
Зови-ка слуг, нам надобно спешить.
Пусть подадут коней к большой аллее;
Отправимся с тобою мы оттуда.
Теперь, наверно, около семи,
И мы как раз к обеду попадем.

Катарина

Не около семи, а ровно два –
Поспеть мы даже к ужину не сможем.

Петруччо

Поеду в семь и ни минутой раньше.
Вот посмотри, ведь ты все время споришь,
Что б ни сказал, ни сделал, ни решил я.
Эй, распрягать! Сегодня не поеду,
А прежде чем я вздумаю поехать,
Часы покажут, сколько я сказал.

Гортензио

Он скоро управлять захочет солнцем!

Уходят.

СЦЕНА 4

*Падуя. Перед домом Баптисты.
Входят Транио и учитель, одетый как Винченцио.*

Транио

Вот этот дом; могу я постучать?

Учитель

Конечно. Может быть, синьор Баптиста
Меня припомнит. Вместе проживали
Мы в Генуе, в гостинице «Пегас»,
Тому лет двадцать, коль не ошибаюсь.

Транио

Ну, очень хорошо. Но вы держитесь
С достоинством, как надлежит отцу.
Не беспокойтесь.

Входит Бьонделло.

Учитель

Вот и ваш слуга;
Его предупредить бы не мешало.

Транио

Не бойтесь за него. – Вот что, Бьонделло,
Советую тебе не сплеховать:
Запомни – пред тобой синьор Винченцио.

Бьонделло

Да уж не сомневайтесь.

Транио

Ты передал мои слова Баптисте?

Бьонделло

Сказал ему, что ваш отец в Венеции,
Что в Падую его сегодня ждете.

Транио

Ты молодец; возьми-ка вот и выпей. –
Идет Баптиста! Ну, смелей, синьор!

Входят **Баптиста** и **Люченцио**.

Синьор Баптиста, очень рад вас видеть,
Вот тот синьор, о ком я говорил.
Теперь прошу вас, станьте мне отцом
И вашу дочь в наследство мне отдайте.

Учитель

Не будь так тороплив, мой милый сын.
Я прибыл в Падую, синьор Баптиста,
Взыскать долги, а тут мой сын Люченцио
Признался мне, что он и ваша дочь
Друг друга нежно любят. Так как я
Хорошего слышал о вас немало,
А дети наши влюблены друг в друга,
То, не желая мучить долго сына,
Как любящий отец, я согласился
На этот брак. Когда и вы согласны,
Мы, без сомненья, с вами сговоримся,
И вы увидите, что я готов
Всем, чем хотите, обеспечить Бьянку.
Хитрить мне не к чему, синьор Баптиста:
Вы – человек, достойный уваженья.

Баптиста

Синьор, простить прошу мои слова,
Но по душе мне ваша откровенность.
Да, совершенно верно, ваш Люченцио
И дочь моя друг друга любят, если
Они не притворяются искусно.
Поэтому, коль вы, без лишних слов,
Поступите, как надлежит отцу,
И согласитесь закрепить за Бьянкой
Достаточную вдовью часть наследства,
То свадьбе быть, и дело решено –
Ваш сын получит дочь мою в супруги.

Транио

Благодарю, синьор. А где, скажите,
Удобней будет заключить контракт
И обязательствами обменяться?

Баптиста

Не у меня. Вы знаете, Люченцио,

У стен есть уши, в доме много слуг,
И вечно Грумио вокруг шныряет,
В любой момент нам могут помешать.

Транио

Тогда прошу пожаловать ко мне;
Отец живет со мной, и мы сегодня
Покончим дело тихо и спокойно.
Скорей пошлите Камбио за дочкой,
А я нотариуса приглашу.
Мне только жаль, что времени не хватит
Получше угощенье приготовить.

Баптиста

Отлично! – Камбио, живей домой;
Пусть наготове будет дочь моя.
Ей можно рассказать, что здесь случилось, –
Приехал, мол, сюда отец Люченцио,
И брак ее с Люченцио решен.

Бьонделло

Молю богов, чтоб так оно и вышло.

Транио

Брось думать о богах. Беги скорее! –

Бьонделло уходит.

Прошу, синьор Баптиста. К сожаленью,
Могу вам предложить одно лишь блюдо;
Все в Пизе наверстаем.

Баптиста

Я за вами.

*Транио, учитель и Баптиста уходят.
Возвращается Бьонделло.*

Бьонделло

Ну, Камбио?

Люченцио

Что скажешь мне, Бьонделло?

Бьонделло

Как Транио подмигивал, видали?

Люченцио

Что ж из того, Бьонделло?

Бьонделло

Ровно ничего; но он оставил меня здесь, чтобы объяснить вам смысл его кивков и подмигиваний.

Люченцио

Прошу тебя, объясни.

Бьонделло

Дело обстоит так. Баптиста не опасен, он сейчас разговаривает с поддельным отцом поддельного сына.

Люченцио

Ну и что же?

Бьонделло

Вы должны привести его дочь к ужину.

Люченцио

А потом?

Бьонделло

Старый священник из церкви святого Луки в любой час готов к вашим услугам.

Люченцио

Что же из того?

Бьонделло

Не знаю. Только, пока они там возятся с подложным обеспечением, обеспечьте девушкой себя – cum privilegio ad imprimendum solum. Спешите в церковь, да прихватите с собой священника, причетника и нескольких честных свидетелей.

А если вы не к этому стремитесь,
Смолкаю я, но Бьянки вы лишитесь.

Люченцио

Но послушай, Бьонделло...

Бьонделло

Мне некогда. Я знал одну девушку, которая успела обвенчаться в полдень, когда бегала на огород за петрушкой для начинки кролика. Так же можете сделать и вы, синьор; а засим до свиданья. Мой хозяин приказал мне отправиться в церковь святого Луки и сказать, чтобы священник был готов принять вас, когда вы появитесь со своим довеском. (*Уходит.*)

Люченцио

На все согласен я, но вот она...
Да нет, она согласна – прочь сомненья!
Ну, будь что будет! Побегу скорей,
И горе мне, коль не вернусь я с ней.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 5

Проезжая дорога.
Входят Петруччо, Катарина, Гортензио и слуги.

Петруччо

Скорей, скорей, скорее – едем к тестю!
Вот дьявол, как сияет солнце ярко!

Катарина

Какое солнце? – На небе луна.

Петруччо

А я сказал, что солнце ярко светит.

Катарина

Иль это не луна? Иль я ослепла?

Петруччо

Клянусь я сыном матери родной,
Короче говоря, самим собою,
Светить мне будет то, что я назвал.
Сказал я – солнце, значит, будет солнце.
Эй, поворачивайте лошадей!
Все спорит, спорит, только бы ей спорить!

Гортензио

(Катарине)

Не спорьте с ним, а то мы не доедем.

Катарина

Прошу, поедem, раз уж мы в пути,
Ну, пусть луна, пусть солнце – что хотите;
А назовете свечкою, клянусь,
Что это тем же будет для меня.

Петруччо

Я говорю, что солнце.

Катарина

Да, конечно.

Петруччо

Нет, то волшебница-луна. Ты лжешь.

Катарина

Луна, конечно же, царица ночи.
А скажете, что солнце – будет солнце.
Подобны вы изменчивой луне,
Но, как бы ни назвали, – так и есть,
И так всегда для Катарины будет.

Гортензио

Ты выиграл сражение, Петруччо.

Петруччо

Вперед, вперед! Катиться должен шар
По склону вниз, а не взбираться в гору.
Но тише! Кто-то к нам сюда идет.

Входит Винченцио.

Синьора, добрый день! Куда спешите? –
Кет, милая, по совести скажи,
Не правда ли, прелестная девица?
Румянец спорит с белизной на щечках!
Какие звезды озаряют небо
Такою красотой, как эти глазки –
Ее прелестнейший и юный лик?
Еще раз добрый день, моя синьора!
Кет, поцелуй красотку молодую.

Гортензио

С ума сойдет старик от этих шуток.

Катарина

Привет прекрасной, нежной, юной деве!
Куда идешь ты? Где твоя обитель?
Как счастливы родители, имея
Такое дивное дитя! Счастливец
Тот, кто, вельнем благосклонных звезд,
Тебя женою назовет своей.

Петруччо

Опомнись, Кет! В своем ли ты уме?
Ведь это же мужчина, дряхлый старец,
А вовсе не прелестная девица.

Катарина

Достойнейший отец, прости ошибку.
Глаза мои так ослепило солнцем,
Что до сих пор все кажется зеленым.
Теперь я вижу – ты почтенный старец.
Прости мне эту глупую оплошность.

Петруччо

Синьор, ее простите и ответьте –
Куда вы? Нам, быть может, по пути, –
Тогда мы вам компанию составим.

Винченцио

Синьор, и вы, синьора-озорница,
Ошеломившая меня приветом, –
Из Пизы я. Зовут меня Винченцио.
Приехал в Падую проведать сына,
Которого давно уж не видал.

Петруччо

Как звать его?

Винченцио

Люченцио, синьор.

Петруччо

Вот кстати – и для нас, и для него.
Теперь я вас могу назвать отцом
Не только по годам, но и по праву:
С сестрой моей жены – синьоры этой –
Ваш сын уже, наверно, обвенчался.
Но вы не удивляйтесь, не сердитесь –
Она известна скромным неведеньем,
Богата, дочь родителей почтенных
И образованна, как подобает
Жене любого знатного синьора.
Позвольте вас обнять, синьор Винченцио.
Все вместе мы отправимся к Люченцио.
Ваш сын достойный будет очень рад.

Винченцио

Но правда ль это? Или пошутили,
Как часто путешественники шутят
Над теми, кто встречается в пути?

Гортензио

Нет, нет, отец, поверьте, это правда.

Петруччо

Вы зря нас приняли за шутников.
Поедем вместе – убедитесь сами.

Уходят все, кроме Гортензио.

Гортензио

Ну, друг Петруччо, ты мне придал духу.
Знается вдова моя не в меру –
С ней поступлю по твоему примеру.
(*Уходит.*)

АКТ V

СЦЕНА 1

Падуа. Перед домом Люченцио.

Входят сначала Гремио, который становится в глубине сцены, затем Бьонделло, Люченцио и Бьянка.

Бьонделло

Потише и побыстрей, синьор; священник уже готов.

Люченцио

Лечу, Бьонделло. Но ты можешь им понадобится дома; оставь нас.

Бьонделло

Нет, я раньше присмотрю за тем, чтобы вы вошли в церковь, а уж потом во всю прыть пушусь к

хозяйскому дому.

Люченцио, Бьянка и Бьонделло уходят.

Гремио

Как странно! Камбио все нет и нет.

Входят Петруччо, Катарина, Винченцио, Грумио и слуги.

Петруччо

Здесь дом Люченцио, синьор; вот двери.
Мой тесть живет немного ближе к рынку;
Спешу к нему. Я должен вас оставить.

Винченцио

Нет, нет, нам с вами надо прежде выпить;
А здесь, мой друг, я вас могу принять
И угощение, верно уж, найдется.
(*Стучит.*)

Гремио

Они там заняты; стучите громче.

Учитель выглядывает из окна.

Учитель

Кто это там стучит, как будто собирается выломать дверь?

Винченцио

Дома ли синьор Люченцио?

Учитель

Он дома, синьор, но сейчас не может разговаривать с вами.

Винченцио

Ну, а если я принес ему сотни две фунтов на забавы?

Учитель

Оставьте их при себе: он ни в чем не будет нуждаться, пока я жив.

Петруччо

Ну, не говорил ли я вам, что вашего сына полюбили в Падуе? – Послушайте, синьор, шутки в сторону, – скажите, пожалуйста, синьору Люченцио, что его отец приехал из Пизы и хочет поговорить с ним.

Учитель

Ты лжешь; его отец приехал из Пизы и глядит на вас из окна.

Винченцио

Это ты его отец?

Учитель

Да, синьор. Так утверждает его мать, если ей можно верить.

Петруччо

(к Винченцио)

Что вы теперь скажете, синьор? Ну, знаете, нет хуже надувательства, чем присваивать себе чужое имя.

Учитель

Держите этого негодяя; он, верно, хочет надуть здесь кого-нибудь, прикрываясь моим именем.

Возвращается Бьонделло.

Бьонделло

Я оставил их вдвоем в церкви. Пошли им бог счастливого плавания! – Но кто это здесь? Мой старый хозяин Винченцио! Теперь мы пропали, конец всему!

Винченцио

(заметив Бьонделло)

Пойди сюда, разбойник!

Бьонделло

А это уж как мне захочется, синьор.

Винченцио

Иди сюда, мерзавец! Ты что же, забыл меня?

Бьонделло

Забыл вас? Нет, синьор. Я никак не мог забыть вас, потому что ни разу в жизни вас не видел.

Винченцио

Ты что же это, мерзкий негодяй, ни разу в жизни не видел Винченцио, отца твоего хозяина?

Бьонделло

Моего старого, достойнейшего хозяина? Ну еще бы, синьор, конечно, видел; да вот он, смотрит из окна.

Винченцио

(бьет его)
В самом деле?

Бьонделло

Спасите, спасите! Тут какой-то сумасшедший хочет убить меня. *(Убегает.)*

Учитель

На помощь, сын мой! На помощь, синьор Баптиста! *(Отходит от окна.)*

Петруччо

Отойдем-ка в сторону, Кет, и посмотрим, чем кончится эта кутерьма. *(Отходит в сторону.)*

Учитель, Транио, Баптиста и слуга выходят на улицу.

Транио

Кто вы такой, синьор, что осмеливаетесь бить моего слугу?

Винченцио

Кто я такой, синьор? Нет, кто такой вы, синьор? О бессмертные боги! Мерзкий плут! Шелковый колет! Бархатные штаны! Алый плащ! Остроконечная шляпа! О, я разорен, я разорен! В то время как я дома радею о хозяйстве, мой сын и слуга все проматывают в университете.

Транио

Что такое? В чем дело?

Баптиста

Спятил он, что ли?

Транио

Синьор, по виду вас можно принять за почтенного пожилого человека, но разговариваете вы, как сумасшедший. Какое вам дело до того, что я ношу золото и жемчуг? Благодаря моему доброму отцу я могу себе позволить это.

Винченцио

Твоему отцу! Ах ты мошенник! Твой отец изготавливает паруса в Бергамо.

Баптиста

Вы ошибаетесь, синьор, вы ошибаетесь. Ну, как его имя, по-вашему?

Винченцио

Его имя! Еще бы мне не знать его имени. Я воспитываю его с трехлетнего возраста. Его имя – Транио.

Учитель

Убирайся, убирайся отсюда, безмозглый осел! Его имя – Люченцио; он единственный сын и наследник всех моих земель, земель синьора Винченцио!

Винченцио

Люченцио! Значит, он убил своего господина! Держите его! Приказываю вам именем герцога, держите! О сын мой, сын мой! Отвечай мне, негодяй, где мой сын Люченцио?

Транио

Позовите сюда стражу.

Входят стражники.

Отправьте этого безумца в тюрьму. Отец Баптиста, прошу вас, последите, чтобы его отвели туда.

Винченцио

Отправить меня в тюрьму!

Гремио

Стой, стража! Он не пойдет в тюрьму!

Баптиста

Замолчите, синьор Гремио; я говорю вам, что он пойдет в тюрьму.

Гремио

Берегитесь, синьор Баптиста, чтобы вас не впутали в темное дело. Я готов поклясться, что это настоящий синьор Винченцио.

Учитель

Присягни, если смеешь!

Гремио

Нет, присягнуть я не смею.

Транио

Вы бы еще сказали, что я не Люченцио.

Гремио

Я знаю, что вы синьор Люченцио.

Баптиста

Уберите обманщика! В тюрьму его!

Винченцио

Так вот как вы оскорбляете чужестранцев, чудовищный негодяй!

Входят Бьонделло, Люченцио и Бьянка.

Бьонделло

Мы погибли! Вот, вот он. Отказывайтесь от него, отказывайтесь от него – или мы все пропали.

Люченцио

Прости, отец.

Винченцио

Ты жив, мой милый сын!

Бьонделло, Транио и учитель поспешно убегают.

Бьянка

Прости, отец.

Баптиста

А ты в чем виновата?

И где Люченцио?

Люченцио

Вот он, Люченцио,
Неложный сын неложного Винченцио.
Пока вы с мнимым спорили отцом
Мы с Бьянкою стояли под венцом.

Гремио

Здесь заговор, нас провести хотят.

Винченцио

Где этот Транио, мошенник, шут,
Который так бесстыдно врал мне тут?

Баптиста

Постойте! Да ведь это же мой Камбио.

Бьянка

Ваш Камбио в Люченцио превратился.

Люченцио

Любовь свершила чудо. Из-за Бьянки
Я поменялся с Транио местами.
Он в городе изображал меня,
А я тем временем счастливо прибыл
К давно желанной гавани блаженства. —
Он роль играл по моему приказу;
Прошу тебя, отец, прости его.

Винченцио

Я расквашу нос этому негодяю, который собирался засадить меня в тюрьму!

Баптиста

(к Люченцио)

Послушайте, синьор, вы женились на моей дочери, не спросив моего согласия!

Винченцио

Не беспокойтесь. Баптиста; мы договоримся, поверьте. Однако я пойду и рассчитаюсь за такую наглость. *(Уходит.)*

Баптиста

А я пойду и докопаюсь до глубины их надувательства. *(Уходит.)*

Люченцио

(Бьянке)

Не бойся, твой отец не будет на нас долго сердиться.

Гремио

Не спекся мой пирог, но все ж пойду;

Хоть на пиру я душу отведу.

(Уходит.)

Вперед выходят Петруччо и Катарина.

Катарина

Муженек, пойдем за ними, поглядим, чем кончится вся эта история.

Петруччо

Раньше поцелуй меня, Кет, и пойдем.

Катарина

Как! Прямо на улице?

Петруччо

Как! Ты стыдишься меня?

Катарина

Боже упаси, синьор; я стыжусь целоваться.

Петруччо

Ах так? Тогда немедленно домой!

Катарина

Нет, стой! Я поцелую, милый мой.

Петруччо

Ну вот и хорошо! Согласна, да?
Уж лучше поздно, Кет, чем никогда.

Уходят.

СЦЕНА 2

Падуа. Комната в доме Люченцио. 43

Входят Баптиста, Винченцио, Гремио, учитель, Люченцио, Бьянка, Петруччо, Катарина, Гортензио и вдова, Транио, Бьонделло и Грумио. Грумио и слуги вносят угощение.

Люченцио

Ну, наконец все споры позади
И мы пришли к желанному согласью.
Война окончена, настало время
Над страхами былыми посмеяться. —
Проси же, Бьянка, моего отца,
Я ж твоего с почтеньем приглашу. —
Сестрица Катарина, брат Петруччо,
Гортензио с женой своею милой,
Пируйте. Рад вас видеть у себя.
Сейчас нам подадут вино и сласти.
Садитесь, я прошу. Мы можем здесь
Беседовать и продолжать наш пир.

Садятся за стол.

Петруччо

Вот так все и сиди, сиди да ешь.

Баптиста

Добром встречают в Падуе всегда.

Петруччо

Да, в Падуе мы доброе нашли.

Гортензио

Хотел бы я для нас двоих того же.

Петруччо

Клянусь, Гортензио, я в страхе за вдову.

Вдова

Страх на меня нагнать вам не удастся.

Петруччо

Смышлены вы, а смысла не постигли.
Хочу сказать: он страх как вас боится.

Вдова

Кружится мир у пьяного в глазах.

Петруччо

Кругло отвечено.

Катарина

(вдове)
Как вас понять?

Вдова

Поймала я его!

Петруччо

Меня поймала! – Ты слышал, Гортензио?

Гортензио

Поймала смысл твоих речей она.

Петруччо

Сумел поправить!
(Вдове.)
Поцелуйте мужа.

Катарина

«Кружится мир у пьяного в глазах»...
Так что же этим вы сказать хотели?

Вдова

Ваш муж, с женой строптивою измучась,
И моему пророчит ту же участь.
Понятна стала мысль моя теперь?

Катарина

Дрянная мысль.

Вдова

Я думала о вас.

Катарина

Да, знаясь с вами, я бы стала дрянью.

Петруччо

А ну, задай ей, Кет!

Гортензио

А ну, вдова!

Петруччо

Готов поспорить, Кет ее уложит.

Гортензио

Нет, это уж обязанность моя.

Петруччо

Прекрасно сказано! Твое здоровье!
(*Чокается с Гортензио.*)

Баптиста

(к Гремио)

Что скажете об этих остроумцах?

Гремио

Они бодаются, синьор, отлично.

Бьянка

Бодаются! Ну, как здесь не состричь,
Что зуд во лбу рога вам предвещает?

Винченцио

А, молодая! Вот вы и проснулись!

Бьянка

Не беспокойтесь, я усну опять.

Петруччо

Ну нет! Вы сами начали остричь, –
Стрельнем и в вас мы парочкой острот.

Бьянка

Что я вам – птица? Ну, так упорхну!
Попробуйте преследовать меня.
Счастливо оставаться вам, синьоры.

Бьянка, Катарина и вдова уходят.

Петруччо

Не удался мой выстрел. В эту птичку
Вы метили, да не попали, Транио.
Так выпьем же за тех, кто промахнулся!

Транио

Я спущен был как гончая, синьор:
Что изловил – хозяину принес.

Петруччо

Недурно, хоть сравнение собачье.

Транио

Но вы-то лань травили для себя,
А вас она, слышать, не подпускает.

Баптиста

Ого, Петруччо! Это выстрел в цель.

Люченцио

Ну, Транио, спасибо за остроту!

Гортензио

Сознайтесь же, он ловко в вас попал!

Петруччо

Задел меня немножко, признаюсь,
Но тотчас же насмешка отскочила
И вас пронзила, бьюсь я об заклад.

Баптиста

Увы, как мне ни жаль, сынок Петруччо,
Твоя жена строптивей, чем у всех.

Петруччо

Нет, говорю, – и докажу немедля.
Пошлите каждый за своей женой;
Тот, чья жена окажется послушной
И прибежит по первому же зову, –
Пускай возьмет заклад, что мы поставим.

Гортензио

Согласен. Сколько ставим?

Люченцио

Двадцать крон.

Петруччо

Как, двадцать крон? Но двадцать крон я ставлю
На лошадь иль на гончую собаку,
А на жену раз в двадцать надо больше.

Люченцио

Ну, сто тогда.

Гортензио

Согласен.

Петруччо

Решено.

Гортензио

Кто начинает?

Люченцио

Я. – Иди, Бьонделло,
Скажи хозяйке – пусть придет сюда.

Бьонделло

Иду.
(Уходит.)

Баптиста

(к Люченцио)
За Бьянку в половине я, сынок.

Люченцио

Нет, нет, зачем? Поставлю я один.

Возвращается Бьонделло.

Ну что?

Бьонделло

Синьор, хозяйка говорит,
Что занята, прийти никак не может.

Петруччо

Ах, занята? Прийти никак не может?
Вот так ответ!

Гремио

Еще весьма любезный,
Дай бог, чтоб вы не получили худший.

Петруччо

Надеюсь я на лучший.

Гортензио

Эй, Бьонделло,
Ступай и попроси мою жену
Прийти ко мне.

Бьонделло уходит.

Петруччо

Ах, вот как! Попроси!
Ну, отказать не сможет.

Гортензио

Я боюсь,

Что вашу упросить вам не удастся.

Возвращается Бьонделло.

А где моя жена?

Бьонделло

Ответила, что вам шутить угодно,
И не придет. Велит вам к ней идти.

Петруччо

Еще не легче! Не придет! Видали?
Нельзя стерпеть! Невероятно! Дерзко!
Эй, Грумио, иди к своей хозяйке
И передай, что я велю прийти.

Грумио уходит.

Гортензио

Ответит просто.

Петруччо

Как же?

Гортензио

«Не приду».

Петруччо

Ну что ж, тем хуже для меня – и только.

Баптиста

Помилуй бог! Смотрите! Катарина!

Входит Катарина.

Катарина

Синьор, меня вы звали? Что угодно?

Петруччо

А где жена Гортензио и Бьянка?

Катарина

Болтают там в гостиной, у камина.

Петруччо

Тащи-ка их сюда. А не пойдут –
Пинками их гони без церемоний!
Ступай и приведи обеих к нам.

Катарина уходит.

Люченцио

Коль чудеса бывают – это чудо!

Гортензио

Да, чудо. Только что оно сулит?

Петруччо

Сулит оно любовь, покой и радость,
Власть твердую, разумную покорность,
Ну, словом, то, что называют счастьем.

Баптиста

Так будь же счастлив, милый мой Петруччо!
Ты выиграл. А я тебе прибавлю
К их проигрышу двадцать тысяч крон.
Другая дочь – приданое другое!
Совсем переменилась Катарина.

Петруччо

Чтоб мой заклад достался мне по праву,
Я покажу вам, как она послушна,

Какою стала кроткой и любезной.
Вот ваших дерзких жен ведет она,
В плен взяв их женской силой убежденья.

Возвращается Катарина с Бьянкой и вдовой.

Кет, шапочка уродует тебя:
Скинь эту гадость, на пол брось сейчас же.

Катарина снимает шапочку и бросает ее на пол.

Вдова

Дай бог мне в жизни горестей не знать,
Пока такой же душой я не стану!

Бьянка

Такое поведение просто глупо.

Люченцио

Вот бы и вам вести себя так глупо,
А то на вашем мудром поведении
Я сотню крон сегодня потерял.

Бьянка

Так ты ведешь себя еще глупее,
Коль ставишь деньги на мою покорность.

Петруччо

Кет, объясни строптивым этим женам,
Как следует мужьям повиноваться.

Вдова

Вы шутите? К чему нам наставленья?

Петруччо

Смелее, Кет! С нее и начинай.

Вдова

Не будет этого!

Петруччо

Нет, будет, говорю! С вас и начнет.

Катарина

Фи, стыдно! Ну, не хмурь сурово брови
И не пытайся ранить злобным взглядом
Супруга твоего и господина.
Гнев губит красоту твою, как холод –
Луга зеленые; уносит славу,
Как ветер почки. Никогда, нигде
И никому твой гнев не будет мил.
Ведь в раздраженье женщина подобна
Источнику, когда он взбаламучен,
И чистоты лишен, и красоты;
Не выпьет путник из него ни капли,
Как ни был бы он жаждою томим.
Муж – повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья –
Ничтожной платы за его труды.
Как подданный обязан государю,
Так женщина – супругу своему.
Когда ж она строптива, зла, упряма
И не покорна честной воле мужа,
Ну чем она не дерзостный мятежник,
Предатель властелина своего?
За вашу глупость женскую мне стыдно!
Вы там войну ведете, где должны,
Склонив колена, умолять о мире;
И властвовать хотите вы надменно
Там, где должны прислуживать смиренно.
Не для того ль так нежны мы и слабы,
Не приспособлены к невздам жизни,
Чтоб с нашим телом мысли и деянья
Сливались в гармоничном сочетанье.
Ничтожные, бессильные вы черви!
И я была заносчивой, как вы,
Строптивою и разумом и сердцем.
Я отвечала резкостью на резкость,

На слово – словом; но теперь я вижу,
Что не копьем – соломинкой мы бьемся,
Мы только слабостью своей сильны.
Чужую роль играть мы не должны.
Умерьте гнев! Что толку в спеси вздорной?
К ногам мужей склонитесь вы покорно;
И пусть супруг мой скажет только слово,
Свой долг пред ним я выполнить готова.

Петруччо

Ай да жена! Кет, поцелуй! Вот так!

Люченцио

Да, старина, твой счастлив будет брак.

Винченцио

Нам послушание детей – отрада.

Люченцио

Зато строптивость женщин хуже ада.

Петруччо

Кет, милая, в постель нам не пора ли?
Ну, что ж, друзья, вы оба проиграли.
Хоть мне никто удачи не пророчил,
Моя взяла! Желая доброй ночи!

Петруччо и Катарина уходят.

Гортензио

Строптивая смирилась. Поздравляю!

Люченцио

Но как она сдалась – не понимаю!

Уходят.

«УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ»

Комедия эта при жизни Шекспира ни разу не издавалась и впервые была напечатана лишь в посмертном F 1623 года. В списке шекспировских пьес, опубликованном в 1598 году Мересом, она не фигурирует, из чего, однако, нельзя делать вывод, что она была написана позже, так как перечень Мереса мог быть и неполным, а кроме того, в его списке значится загадочная пьеса «Вознагражденные усилия любви», что могло быть вторым заглавием шекспировской комедии – вроде того как это имело место с пьесой «Двенадцатая ночь, или Что угодно». Наконец, не исключена возможность, что Мерес просто смешал пьесу Шекспира с одноименной пьесой другого, анонимного автора на тот же сюжет. Вообще анонимная пьеса должна быть в первую очередь учтена при решении вопроса и о датировке шекспировской комедии и о ее возникновении.

Эта вторая пьеса была издана в 1594 году, а затем дважды переиздана – в 1596 и 1607 годах. Однако по некоторым признакам она была написана за несколько лет до ее первого издания. Называлась она: «Забавно придуманная история, именуемая – Укрощение одной строптивицы». Отличие от заглавия шекспировской пьесы сводится к двум последним словам: у анонима – «одной строптивицы» (a shrew), у Шекспира же просто «строптивой» (the shrew) – оттенок совсем незначительный и не поддающийся точному переводу на русский язык.

Все в анонимной пьесе – фабула с ее тремя темами (интродукция с пьяницей Слаем, укрощение Катарины, история замужества Бьянки), почти все персонажи с их характерами, даже в основном «мораль» пьесы – соответствует шекспировской комедии. Мелкие расхождения сводятся лишь к следующему. У анонима действие происходит не в Падуе, а в Афинах; все имена персонажей другие: главный герой зовется Феррандо, героиня всегда сокращенно Кет, и т. п.; у Кет не одна, а две сестры – Эмилия и Филена, к каждой из которых сватается какой-нибудь один юноша, тогда как у Шекспира выведена одна сестра, имеющая зато нескольких поклонников; тайного брака у анонима нет, и вся развязка скомкана; расширена роль пьяницы в интродукции, который у Шекспира исчезает вскоре после начала настоящей пьесы, тогда как у анонима он остается до конца на сцене, прерывая действие своими смешными возгласами, и т. д.

Чередование эпизодов и развитие действия в обеих пьесах одинаковы, и в некоторых местах (особенно в сцене с портным, IV, 3) одна из них прямо копирует другую. Тем не менее самый текст всюду различен, и на всю пьесу приходится лишь шесть строк, в точности совпадающих. И это различие текстов таково, что комедию Шекспира мы должны признать шедевром комедийного искусства, тогда как анонимная пьеса – ремесленное изделие. Касается это не только тонкой разработки характеров в шекспировской пьесе, главным образом Петруччо и Катарины, мотивировки поведения персонажей, великолепного языка, смягчения тона, придающего даже самым грубым фарсовым мотивам оттенок живого юмора и веселого удалства, – но и того, как подана «мораль» пьесы и каково ее истинное содержание.

Внешнее сходство обеих пьес столь велико, что при отсутствии общего сюжетного источника, самостоятельными переработками которого они могли бы явиться, приходится допустить, что одна из них послужила моделью для другой. Но какая же комедия более ранняя?

С давних пор господствующим среди шекспирологов было мнение, что Шекспир получил предложение от своей труппы, ввиду появления анонимной пьесы, возникшей не позже 1592 года и шедшей с успехом на одной из лондонских сцен, создать нечто вроде нового варианта того же сюжета, который труппа Бербеджа могла бы противопоставить этой пьесе. Эту переработку Шекспир выполнил с блеском – создав, судя по метрическим и стилистическим признакам, около 1594 года, по существу, глубоко оригинальное произведение, полное юного вдохновения и поэтической прелести.

Однако уже лет сто тому назад возникла и другая гипотеза, нашедшая в новейшее время убежденных очень авторитетных защитников (Крейценах, Сمارт, П. Александр). По их мнению, первой возникла шекспировская пьеса, а анонимная является очень неуклюжим плагиатом некоего писателя, который, чтобы замаскировать свой литературный грабеж и создать впечатление новизны пьесы, переписал весь текст заново. Если принять эту теорию, пришлось бы отодвинуть дату шекспировской комедии на два или три года назад.

Хотя в пользу второй точки зрения было приведено немало остроумных доводов, все же старая теория нам, как и большинству критиков, кажется более убедительной. Решающим здесь является

следующее соображение. Для Шекспира крайне характерен такой способ переработки чужих пьес, когда он, заимствуя фабулу и образы, создает целиком новый текст, где использует лишь две-три фразы или выражения старой пьесы, но при этом все содержание ее необычайно углубляет, украшает и наполняет нередко совершенно новым смыслом. Примеры этому из раннего периода его творчества – «Комедия ошибок» и некоторые хроники («Король Иоанн», фальстафовская часть «Генриха IV»), позже – «Мера за меру», «Лир», вероятно, «Гамлет». Наоборот, для многочисленных других тогдашних «переработчиков» чужих пьес типично беззастенчивое использование старого текста; бывали даже случаи, когда они ограничивались добавлением одной или двух сцен и переделкой нескольких реплик. Нечего и говорить, что до внутреннего обогащения пьесы дело почти никогда не доходило.

Надо еще заметить, что все три темы комедии Шекспира помимо анонимной пьесы были широко распространены в ту эпоху в самых разнообразных формах и версиях. Так, например, тема интродукции («халиф на час») встречается в английских народных балладах, в дидактических трактатах, в английском переводе сказок «Тысячи и одной ночи»; история укрощения строптивой – во множестве назидательных повестушек, песен, анекдотов; история Бьянки с переодеванием ее поклонников учителями была известна хотя бы по знаменитой комедии Ариосто «Подмененные», переведенной на английский язык еще в 1560 году Гаскойнем. Из всех этих произведений Шекспир заимствовал некоторые выразительные добавочные черты; но основным источником ему все же послужила анонимная пьеса.

Этому происхождению «Укрощение строптивой» обязано многими своими жанровыми и стилистическими особенностями, внушенными иди хотя бы подсказанными Шекспиру анонимной пьесой, заинтересовавшей неутомимого искателя драматических форм и возможностей, каким был Шекспир. Действительно, многое ставит эту комедию Шекспира особняком в его творчестве. Дело тут не в таких деталях, как большое количество вставных латинских и итальянских слов или примесь стихов неправильного, шутовского размера (так называемых «догрелей»). Эти черты, указывающие на близость молодому Шекспиру забавных школьных воспоминаний, встречаются и в других ранних пьесах его, как, например, «Тит Андроник», «Бесплодные усилия любви» и т. п. Но ни в одной из остальных его пьес мы не находим такого сильного влияния итальянской комедии дель арте и такого безраздельного господства фарсового тона. Эти два момента тесно здесь связаны между собой.

Из всех персонажей пьесы лишь два представляют собой яркие, живые, хорошо разработанные характеры: это Катарина и Петруччо, и лишь с очень большими оговорками можно к ним еще присоединить Бьянку. Все же остальные персонажи – условные фигуры, шаблонные гротески, очень близкие к маскам итальянской комедии. Добродушный и глуповатый скупой старик Баптиста очень похож на таких же одураченных отцов итальянской комедии, ловкий слуга Транио – на хитрого Бригеллу, молодящийся старик Гремио – на дурашливого венецианца Панталоне, и т. п. Этому соответствует и насквозь фарсовый характер действия (всевозможные проделки, потасовки, сплошной хохот), без всякой примеси хотя бы самого легкого лиризма, нежных, идеальных чувств, какая есть, например, в почти одновременной, по существу – тоже фарсовой «Комедии ошибок». Соответственно этому язык персонажей сочен и резок без малейшего намека на характерный для раннего Шекспира эвфуизм. Это случай почти уникальный во всем творчестве Шекспира: только еще «Уиндзорские насмешницы» могут быть причислены к чисто фарсовому жанру.

Это объясняет и ту внутреннюю скрепу, которая соединяет интродукцию с самой пьесой. Тщетно искали «философствующие» критики связь между ними в единстве мысли или морали (никто не должен выходить за грань назначенного ему удела; все существующее – мираж, и т. д.). На самом деле Шекспир охотно воспроизвел интродукцию старой пьесы как подготовляющую и оправдывающую буффонный характер самой комедии. Она разыгрывается странствующими комедиантами с целью развлечь больного – естественно, что ждешь от нее зрелища легкого, грубоватого, чисто увеселительного, без всякой сложности и глубины.

И тем не менее в пьесе содержится в скрытом виде глубокая проблема, воплощенная в образах Катарины и Петруччо, не случайно разработанных по-особому и неизмеримо более содержательных, чем у анонима. Ее трактовка служит камнем преткновения для многих исследователей, а между тем это момент центральный для понимания смысла пьесы и раскрытия ее художественного интереса.

Концепция пьесы не может вызывать сомнений. Избалованная и своенравная Катарина умир-

на своим умным и ловким женихом, а затем мужем Петруччо. Плоды его стараний не замедлили сказаться: она превратилась в идеальную по благонравию жену. В финале пьесы, когда происходит своеобразное испытание жен, оказывается, что бывшая смиренница Бьянка успела превратиться в сварливую капризницу, тогда как сама Катарина стала воплощением кротости и приветливости. Пьеса заканчивается ее знаменитым монологом, в котором она утверждает природную слабость женщин и призывает их к покорности мужьям.

Такая мораль как будто плохо согласуется с нашим представлением о свободолюбии Шекспира, создателя образов смелых, инициативных, борющихся за свои человеческие права, за свободу своих чувств женщин (Джульетта, Дездемона, Гермия из «Сна в летнюю ночь», Елена из «Конец делу венец» и многие другие).

Что не только нас, но и некоторых современников Шекспира эта мораль шокировала, видно из того, что драматург Флетчер написал в противовес ей комедию «Укрощенный укротитель» (точная дата неизвестна), где женщина берет реванш. Герой пьесы, который также называется Петруччо, влюбляется (видимо, после смерти Катарины – в пьесе это ясно не сказано) в одну девушку и решает на ней жениться, причем жена обращается с ним так же, как у Шекспира его Петруччо обращается с Катариной. Пьеса кончается словами: «Укрощен укротитель! Но так, что ни один мужчина не имеет права жаловаться, если учтет, что ему не предназначено в этом мире быть тираном женщины. Однако и женщины не найдут здесь основания для торжества и насмешек, ибо мы теперь признали равенство между мужчиной и женщиной, как и должно быть. Мы учим любви ради любви!»

Многие критики пытались «реабилитировать» Шекспира, обелить его пьесу с помощью разных натяжек и самых произвольных толкований, начиная с заявления, что, поскольку Шекспир взял готовый сюжет, ему «пришлось» сохранить и его мораль или что Катарина не есть рупор Шекспира, который сам смотрел на дело иначе, и кончая допущением, что Катарина и Петруччо борются между собой лишь ради забавы и что Катарина свой знаменитый монолог произносит только для того, чтобы посмеяться над Гортензио и его супругой, сама же нисколько не верит в то, что говорит. Все эти домыслы идут вразрез с прямым смыслом текста. Они к тому же совершенно антиисторичны.

Шекспир, несмотря на всю свою гениальность и прогрессивность критики современного ему общества, был все же сыном своего века, которому не могла даже в голову прийти мысль о полной юридической и бытовой эмансипации женщины. Буржуазия такого равенства полов не знала. Видимость равенства существовала в некоторых кругах передового дворянства, но там она носила эпикурейский характер и служила тому, чтобы повысить цену эгоистического наслаждения вплоть до утверждения полной свободы адюльтера и утонченного аморализма. Прообразом морали для Шекспира в данной его пьесе – как, впрочем, и во всех других – могла скорее всего послужить народная мораль крестьянской семьи, признающая внутреннее (нравственное и практическое) равенство мужа и жены, но тем не менее в смысле направляющего и руководящего начала отдающая первенство мужу.

Этот живой образец и источник мысли Шекспира отлично согласовался с той стадией гуманистического сознания, которую он выражал в своей борьбе против хищнического, анархического аморализма эпохи первоначального капиталистического накопления. Шекспир, восстававший против всякого тиранического насилия над человеческой личностью и всегда защищавший свободу детей и жен от грубого и тупого деспотизма отцов и мужей, вместе с тем никоим образом не отказывался от признания необходимости твердого строя в семье, обществе и государстве. Без этого строя, по мнению Шекспира, невозможно разумное и гармоничное устройство человеческого общества, которое является такой же задачей гуманистов, как и завоевание свободы человеческой личности. Восхвалению этого строя и идеальной гармонии, долженствующей господствовать в обществе и государстве, подобно тому как она господствует в природе, посвящена знаменитая речь Улисса в «Троиле и Крессиде»: «Везде свой строй – и на земле внизу и в небесах, среди планет горящих: законы первородства всюду есть. Есть первенство во всем, есть соразмерность – в обычаях, в движении, в пути...» (I, 3).

Так, считает Шекспир, должно быть и в семье, где мужу принадлежат ведущая роль и решающий голос. Мысль эту можно найти не только в «Укрощении строптивой», но и в ряде других пьес Шекспира. В «Комедии ошибок» Люциана стыдит свою ревнивую и сварливую сестру, убеждая ее быть кроткой и покорной по отношению к мужу. Такую же робость и кротость проявляет по отноше-

нию к Бруту его благородная, героическая подруга Порция («Юлий Цезарь», II, 1, в конце).

Однако все дело в том, каковы формы и назначение такой покорности мужу. Ее цель – не утверждение эксплуатации и порабощения женщины в согласии с феодальными нормами, а внесение в семью того «порядка» и «гармонии», которые Шекспир в соответствии с общественным и культурным состоянием эпохи мог представлять себе лишь в тех формах, какие мы находим в его произведениях.

В «Укрощении строптивой», несмотря на резкость отдельных выражений (значительно меньшую, однако, чем в старой пьесе), речь идет всего лишь о том, кому должно принадлежать решающее слово – мужу или жене. Петруччо надо сломить только «строптивость» Катаринины, после чего в их жизни установится гармония.

Чтобы полностью оценить это, следует хотя бы бегло сравнить комедию Шекспира не только с анонимной пьесой, но и с другими более старыми разработками той же темы, бесспорно, известными драматургу. Сравнение это в основном должно коснуться двух моментов – во-первых, характера героини, во-вторых, характера отношений, которые устанавливаются между нею и мужем, и вообще всей атмосферы, окутывающей действие.

В старых, в основном средневековых, версиях строптивница представлена в отталкивающем виде, уродливой в своем гневе и взбалмошных причудах, как зачинщица беспричинных ссор и отравительница покоя. Отголоски такого отношения звучат и в пьесе Шекспира, где окружающие называют Катарину «чертовкой», «ведьмой», «зловредной», «злющей», «строптивой и грубой свыше всякой меры». Но такова ли она в пьесе Шекспира на самом деле? Проследим все ее поведение вместе с теми обстоятельствами, в которых оказывается героиня.

Катарина появляется в самом начале пьесы (I, 1). Ее отец объявляет женихам, сватающимся к Бьянке, что выдаст ее не раньше, чем устроит Катарину, старшую дочь. Катарина, зная общее к ней отношение, чувствует всю унижительность своего положения и высказывает прямо свою обиду: «К чему, отец, вам превращать меня в посмешище для пары дураков?» Следует перепалка, в которой она лишь отвечает – хотя достаточно резко – на насмешки и оскорбления женихов сестры. Бьянка начинает плакать, что вызывает гневную реплику Катаринины: «Глаза у ней всегда на мокром месте». Ее раздражение и здесь понятно. Поведение «кроткой страдальницы» Бьянки, ее духовное убожество, прямо задевает Катарину, выставляя ее каким-то чудовищем, виновницей несчастья сестры. Отец уходит с Бьянкой, бросив старшей дочери: «Останься, Катарина», на что та возмущенно восклицает: «А мне нельзя уйти отсюда, что ли? Указывают! Будто я сама не знаю, что мне надо, что не надо» – и уходит, провожаемая ругательствами женихов сестры. Она права – что ей делать здесь, среди враждебно настроенных к ней людей?

До сих пор мы наблюдали в Катарине резкость, даже грубость, но «сварливости» в подлинном смысле слова мы не видели. Она была стороной не нападающей, а защищающейся.

Но следующее ее появление (II, 1) раскрывает в ней как будто нечто худшее. Оставшись наедине со своей «тихой» сестрой, она связала ей руки и бьет ее. За что же? Ответ Бьянки все разъясняет: она вообразила, будто Катарина хочет отнять у нее все платья и драгоценности, и выражает готовность отдать ей все свои наряды «вплоть до юбки» на том основании, что ее «долг святой – повиноваться старшим». Катарина добивается от нее, который из женихов ей больше нравится, – и тогда Бьянка, решив, что один из них, может быть, приглянулся ее сестре, уверяет, что она ни одному из них не отдает предпочтения и готова уступить ей любого.

Такое духовное убожество, безличие, склонность истолковывать все свободолюбивые порывы сестры на свой собственный, низменный лад окончательно выводят из себя Катарину, которая пыталась найти у этой куклы хоть какое-либо проявление чувства, что-нибудь похожее на живую душу. И отсюда – гнев Катаринины и жестокость по отношению к сестре. Сцена заканчивается появлением Баптисты, который утешает плачущую тихоню Бьянку и, по обыкновению, сурово укоряет Катарину. Конечно, в этой сцене все сочувствие зрителей – как во времена Шекспира, так и в наши дни – на стороне Катаринины, ведущей смелую борьбу за права женщины как личности.

В третий и последний раз до ее «укрощения» мы видим Катарину в непосредственно следующей за этим сцене ее объяснения с Петруччо. Этот решает сразу ее ошеломить – осыпает комплиментами, хвалит ее «любезность, красоту и кротость», которую все «превозносят»... Естественно, что на

это издевательство Катарина отвечает резкостями. Происходит забавная перепалка с фейерверком острот, и в заключение Петруччо объявляет Баптисте, что они «поладили» и что «свадьба состоится в воскресенье». Катарина в последний раз огрызается: «Увижу раньше, как тебя повесят!» – и замолкает. Здесь мы меньше всего видим «строптивцу». Катарина лишь пытается защититься от грубо ворвавшегося насильника. Что же касается ее колкостей, то в них ей немногим уступят получившие весьма тонкое воспитание и Розалинда из «Бесплодных усилий любви» и Беатриче из «Много шума из ничего». Правда, после одной из дерзостей Петруччо она дает ему пощечину, чего те, вероятно, не сделали бы. Но ведь и Бирон или Бенедикт не стали бы вести себя так, как Петруччо. На то это и фарс, в котором любой из персонажей (кроме лицемерной Бьянки) в грубости поспорят с Катариной.

После этого мы видим сразу же «укрошенную» Катарину. Да и при каких обстоятельствах происходит это укрощение? Не в ответ на своеволие, а просто так, без всякого повода Петруччо унижает жену, морит ее голодом, принуждает делать и говорить нелепости. В итоге в пьесе перед нами – женщина, борющаяся за свое достоинство и после всех испытаний обретающая заслуженное ею счастье.

Общий тон пьесы по сравнению со старыми обработками сюжета в корне иной. Там мрачная, «монастырская» атмосфера, беспощадная жестокость (муж бьет жену или пытается утратить ее, убивая на ее глазах любимого коня, гонимого пса или сокола), приводящая к превращению молодой женщины, морально сломленной, в бессловесную рабу. Здесь смех, веселые (хотя иногда и небезболезненные) проделки – предвестие счастливой, полнокровной жизни в лучах ласкового и горячего итальянского солнца.

Катарина – цветущая, даровитая девушка со смелым и сильным характером, задыхающаяся в кругу пошлых ничтожеств (не исключая отца и сестры), среди которых она обречена жить. Она рождена, чтобы встретить такого же сильного и смелого, такого же живого человека, как она сама. И она встречает его – дерзкого искателя приключений, темпераментного и остроумного, из породы конкистадоров, отчаянных мореплавателей XVI века, любимцев фортуны. Конечно, он элементарен и эгоистически ограничен в своем жадном порыве к жизни, но тип исторически глубоко верен и к тому же трактован в ярко фарсовом плане. Стоило Петруччо и Катарине встретиться, и между ними сразу же пробегает электрическая искра – залог того, что их борьба и ее испытания закончатся не тоской и неволей, а большим человеческим счастьем.

В целом пьеса – и в этом ее глубокое, передовое для той эпохи значение – утверждает идею не «равноправия», а «равноценности» мужчины и женщины. Как и во многих других пьесах Шекспира, Катарина обнаруживает такое же богатство внутренней жизни, как и Петруччо. Это такая же сильная и полноценная натура. Подобно тому как это произошло между Беатриче и Бенедиктом, их толкнули друг к другу свойственные обоим прямота, избыток здоровья и жизнерадостность. Каждый нашел в другом достойного противника – и партнера. Человеку ей враждебному или безразличному Катарина, конечно, не подчинилась бы. Тяжба между ними, имеющая серьезный, проблемный характер, ими самими переживается как увлекательная, радостная игра, потому что между ними уже вспыхнула любовь и потому что они ощущают в себе избыток молодых сил, требующих разрядки.

Замысел Шекспира имеет гораздо более глубокий характер, чем мораль пьесы Флетчера, где защита «престижа» женщины достигается снижением и мужчины и женщины, обрисованных как натуры мелочные, лишённые размаха и полноценности шекспировских героев.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «УКРОЩЕНИЯ СТРОПТИВОЙ»

1

Ричард Завоеватель – вместо «Вильгельм Завоеватель». Знатнейшие английские феодалы кичились своим происхождением от баронов, пришедших в Англию вместе с нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем, покорившим Англию в 1066 году.

2

Играл я, верно, Сото, ваша милость. – Сын фермера по имени Сото фигурирует в комедии Флетчера «Женщины довольны». Но он не ухаживает там за дворянкой, и, кроме того, пьеса эта написана была позже «Укрощения строптивой» (по-видимому, около 1620 г.). Вместо «Сото» F1 дает «Синкло» – имя второстепенного актера шекспировской труппы.

3

Бертонская Пустошь (Бертон-Хит) – деревня в Йоркшире, где жили родственники Шекспира, Ламберты.

4

Мериан Хеккет – личность реальная; она была родом из Глостершира.

5

Уинкот – деревня близ Стретфорда; здесь жил дед Шекспира с материнской стороны.

6

Семирамида – легендарная царица древней Ассирии, славившаяся своей роскошью и изнеженностью.

7

Цитерея – Венера. *Адонис* – юноша, в которого Венера была влюблена.

8

Ио – дочь аргосского царя, возлюбленная Зевса (Юпитера).

9

Дафна – нимфа, которую преследовал своей любовью Аполлон.

10

...ни Стивен Слай, ни Старый Джон Непс-Сало... – В подлиннике: «Джон Непс из Греции», с игрой созвучием: Greese – «Греция», grease – «жир», «сало».

11

Мадама Элс или мадама Джон? – Слай принимает слово «мадам» за фамилию.

12

Mi pardonate... – Сценический вариант: «Прошу прощения, добрый мой хозяин».

13

...Овидием нельзя пренебрегать. – Овидий здесь имеется в виду как автор «Искусства любви».

14

Торжественно встречают нас, наверно. – Существовал обычай высылать делегацию навстречу знатым лицам, прибывавшим в город.

15

Входят Бантиста...Гортензио – В перечне вошедших персонажей к имени Гортензио фолио прибавляет сценическую характеристику: «Панталоне» (маска *commedia dell'arte* – смешной старик, одураченный в своих любовных исканиях).

16

Минерва – богиня мудрости у древних римлян, соответствующая греческой богине Афине-Палладе.

17

Ведь для меня ты так же дорог... как Анна для царицы Карфагенской... – Анна – сестра Дидоны, Карфагенской царицы (в «Энеиде» Вергилия).

18

Redime te... – фраза из комедии Теренция «Евнух». Сценический вариант: «Старайтесь откупиться подешевле».

19

...такой лишь Агенора дочь блистала... – Европа, похищенная Зевсом (Юпитером) и поселенная им на Крите.

20

...возьми-ка плащ мой и цветную шляпу – Знатные лица носили цветные шляпы.

21

Con tutto il cuore... – Сценический вариант: «Душевно рад вас снова повидать».

22

Alla nostra casa ben venuto... – Сценический вариант: «Добро пожаловать, синьор достойный».

23

Нет, синьор, тут латынью не отговоришься. – Одна из условностей елизаветинской драматургии: предыдущие итальянские фразы никак не могли итальянцу Грумио показаться латынью.

24

...дурней жены Флорентия... – В средневековой повести о рыцаре Флорентии рассказывается, что он женился на чрезвычайно уродливой женщине, которая, разгадав загадку, спасла ему этим жизнь.

25

Сивилла – прорицательница в древнеримских сказаниях – в эпоху Возрождения всегда изображалась как дряхлая старуха.

26

Ксантиппа – жена Сократа, была известна своей сварливостью.

27

...вы решили... венчаться с этой дикой кошкой? – Игра слов: *cate* – «кошка»; *Kate* – «Катарина».

28

Дочка Леды, до тысячи вздыхателей имела. – Елена Прекрасная, возлюбленная Париса, была дочерью смертной женщины Леды и Зевса (Юпитера).

29

...а мне остаться старой девой, что ли, и из-за вас в аду мартышек нянчить? – Согласно половице, старым девам суждено в аду прогуливать (точнее – водить на помочах) чужих детей за то, что они при жизни не имели своих.

30

Люченцио зовут вас? – Комментаторы полагают, что Баптиста мог узнать имя мнимого Люченцио или во время тихого разговора с ним в стороне, или потому, что Транио – Люченцио надписал свое имя на связке принесенных им книг. Но елизаветинские драматурги не задавали таких хитрых загадок своим зрителям, и скорее всего здесь простая небрежность со стороны автора.

31

Кет – кошечка, Кет – лакомый кусочек. – В подлиннике игра слов: Kate – «Катарина», cate – «кошка», cates – «сласти».

32

Ты не хромаешь! – Так как перед этим Петруччо отрицал сварливость Катарины, из этого места можно было бы заключить, что она хромая. На самом деле это лишь шутка: Петруччо намеренно смешивает правду с выдумкой, чтобы окончательно сбить Катарину с толку.

33

Гризельда – героиня популярного в средние века рассказа, образец кротости и смирения (история ее рассказана, между прочим, в последней новелле «Декамерона» Бокаччо).

34

Лукреция – древняя римлянка, лишившая себя жизни после того, как ее обесчестил сын царя Тарквиния (на этот сюжет Шекспиром написана поэма «Оскорбленная Лукреция»).

35

Он весь увешан тирскими коврами... – Тир – город в Сирии, славившийся в средние века своими коврами.

36

Nic ibat Simois... – Двустипшие из «Геронд» Овидия.

37

Эакид – потомок Эака.

38

Где видано такое? Тут дело не простое и т. д. – по-видимому, отрывок из старинной баллады.

39

...когда же кончился обряд венчанья, потребовал вина... – Новобрачные сразу после венчания, согласно распространенному в те времена обычаю, выпивали в церкви кубок вина.

40

«Эх, Джек! Ах, Джек!» – начало застольной песни.

41

«Где ты, жизнь моя былая...», «Жил монах, молился богу...» – отрывки из старинных песен.

42

...отдавай мне свой ярд... – Ярд – английская мера длины (91 сантиметр) и соответствующая ей мерка (палка).

43

Вступительная ремарка. Десерт, состоявший из фруктов, сладостей и вина, подавался через некоторое время после трапезы и притом обязательно в другой комнате.